

ЛЮДИ И НЕЛЮДИ

Выбраковка • Ночной смотрящий

ОЛЕГ ДИВОВ **ЛЮДИ И НЕЛЮДИ**

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д44

Разработка серийного оформления
Константина Гусарева

Дивов, Олег.
Д44 Люди и нелюди / Олег Дивов. — Москва : Эксмо,
2022. — 592 с.

ISBN 978-5-04-165399-6

Романы Олега Дивова — выдающиеся реконструкции современности. Истории, которые могли бы случиться с каждым.

Автор — член Союза писателей России, Союза литераторов России и Совета по фантастике и приключенческой литературе при Союзе писателей России.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165399-6

© Дивов О., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ВЫБРАКОВКА

Глава первая

Хроники повествуют, что во времена его правления можно было бросить на улице золотую монету и подобрать ее через неделю на том же месте. Никто не осмелился бы не то что присвоить чужое золото, но даже прикоснуться к нему. И это в стране, где за два года до того воров и бродяг было не меньше, чем оседлого населения — горожан и земледельцев! Как же произошла такая метаморфоза? Очень просто — в результате планомерного очищения общества от «асоциальных элементов».

Участковый Мурашкин лениво брел по вверенной ему территории. Задворки Второй Фрунзенской всегда считались довольно спокойным местом, а теперь здесь можно было вообще помереть с тоски. Особенно если твоя профессия — защита правопорядка. Мурашкин учтиво раскланивался с бабушками на лавочках, улыбался детишкам, весело махавшим ему из недр кукольно-ярких игровых городков. В какой-то момент участковому повезло: знакомый мужик ковырялся в двигателе «Москвича», но поломка была пустяковая, и вволю почесать языком не вышло.

Заросший грязью пистолет, молчаливая рация, планшет со слежавшимися бланками протоколов — казались лишними и раздражали. Мир вокруг был стерилен, чист и на вид совершенно безопасен: выскобленный асфальт, ровно подстриженные газоны, спокойные лица прохожих. Мурашкин заглянул в пару магазинов, поболтал с продавцами, сонными от дневного безлюдья,

и окончательно сник. Уселся на лавочку в сквере, закурил и в легком отчаянии подумал, что опять ему совершенно нечем заняться.

Другой бы на его месте радовался, но участковый Мурашкин был, на свою беду, человек долга. Он с детства уяснил, что добро обязано иметь кулаки, и если ты за все хорошее и против всего плохого — нужно что-то делать. Особых талантов за Мурашкиным не числилось, и он реализовал тягу к переустройству мира естественным образом: после армии пошел в милицию. И только-только ощутил себя на своем месте, как в стране грянули перемены. В первые дни казалось, что новая власть своим знаменитым «Указом сто два» выплеснула на улицы волну насилия. Но волна довольно быстро схлынула и уволокла с собой почти весь тот контингент, что мешал нормально жить добрым гражданам и участковому Мурашкину в их числе.

Надо отдать должное выбраковщикам: они причесали город очень частым гребнем.

Из тех, кого забраковали, не вернулся никто. АСБ недаром обзывало свои машины «труповозками». Неважно, забрали тебя из грязной коммуналки (а ведь не стало их, коммуналок-то, всего за год!) или из роскошного пентхауса тут, на набережной, — урод пропал, освобождая место для нормального, честного, достойного человека.

И хотя противно было сознавать, что по всей стране орудет сила, которую не сдерживает закон, стальными тисками сковавший тебя самого, — Мурашкин на выбраковщиков не злился. Он понимал: временная мера. В «Указе сто два» так и писали, черным по белому. Еще пара лет, от силы года три... Поэтому Мурашкину никогда не приходило в голову попроситься в АСБ. По своему нынешнему безделью он отлично понимал, что значит оказаться выброшенным из жизни. А ведь это ждет каждого из тех, кто сейчас вместо него, Мурашкина, подставляется под бандитские пули. Хотя какие теперь бандиты... Поубивали всех давным-давно. А кого не убили, загнали пожизненно на каторгу. Почестному. Мол, вы, ребята, погуляли за наш счет, теперь потрудитесь на наше благо.

ВЫБРАКОВКА

И все-таки интересно, чем займутся парни из АСБ, когда правосудие вернется на привычные рельсы и милиция из профилактической службы опять станет тем, чем ей положено быть. Станный народ там, в Агентстве. Своеобразный, если не сказать больше. «Некоторые, кстати, и говорят, не стеснясь», — подумал Мурашкин. И сразу вспомнил, как на прошлой неделе в отделение зашел выбраковщик. Чего-то ему нужно было от начальника. Мурашкин, без дела ошиваясь во дворе в ожидании, когда ребята сменятся и можно будет пойти вдарить по пиву, сразу его вычислил. Невысокий, даже щуплый, лет сорока, с заметной сединой в черных волосах... Скромный такой. И с ласковыми глазами убийцы. И один лейтенант, видимо знавший выбраковщика в лицо, крикнул: «Какие люди, и без наручников! Смотрите, кто пришел! Да это же Пэ Гусев, вождь па-лачей!»

У Мурашкина тогда все съезжилось внутри. А тот Гусев просто кивнул лейтенанту, мило улыбнувшись, будто такими репликами выбраковку и положено встречать. Показал дежурному свой значок и пошел к начальнику.

Да, худо придется выбраковщикам, когда их услуги окажутся не нужны. А ведь милиция по большому счету в ножки им должна поклониться. Мурашкин отлично помнил времена, когда от него, человека в серой форме, люди шарахались как от чумного. «Менты и бандиты — родственные профессии», — говорили тогда. Теперь полюбили. Малышня так на руки и лезет, взрослые не воротят морду, а первыми здороваются...

Мурашкин курил и думал: какого черта он тут делает. Можно пойти в опорный пункт и вволю поиграть на компьютере. Можно отправиться домой и приготовить что-нибудь эдакое на обед, жену порадовать. По телевизору смотреть днем нечего: гонят советские фильмы и пропагандистские шоу на тему, как хорошо жить в Славянском Союзе. Жить стало действительно неплохо, а все равно тоска... Участковый сунул нос за пазуху в надежде, что случайно отключил рацию. Но тусклая красная лампочка горела, и динамик еле слышно шуршал.

А то нанести один-другой профилактический визит? Проверить, например, не запила ли вновь эта дура Татьяна. Или в сотый раз попытаться объяснить старому маразматику Дундукову — вот же фамилия! — чтобы перестал на нее строчить анонимки. Все равно бумажки с подписью «Борец за нравственность» к рассмотрению не принимаются...

От соседней школы донесся оглушительный вопль, будто там резали детей очень тупым ножом. Мурашкин и ухом не повел: это просто началась большая перемена. Но мысли его двинулись по вполне определенному пути. Точно, зайти к Татьяне. Она когда запивает, у нее ошиваются разные типы. Ведут себя обычно тихо, ничего криминального, но два неуравновешенных человека в одном помещении — уже повод к «бытовухе». Не напугали бы дочь.

Бездетный Мурашкин тяжело переживал, когда у симпатичных детишек оказывались непутевые родители. Дай ему волю, он прелестную белокурую шестилетнюю Машеньку отнял бы у Татьяны силой и удочерил. Все равно мать сопьется вконец, и либо на принудительное лечение угодит, либо вообще в лагерь. Только успеет до этого ребенка испортить. Жаль.

Да, к Татьяне. Прямо сейчас. Мурашкин бросил окурочок в урну, поднялся и быстрым шагом двинулся вглубь квартала.

Уже поднимаясь на этаж, участковый почувствовал смутное беспокойство. А когда протянул руку к кнопке звонка, услышал неясный звук, доносящийся из квартиры. То ли стон, то ли плач. За обшарпанной дверью творилось нехорошее. Мурашкин позвонил. Никакого ответа. Он позвонил снова. Внутри завозились и притихли.

— Откройте, участковый! — крикнул Мурашкин.

И опять услышал тот же звук. Точно, это плакал ребенок.

Никаких сомнений: там, внутри, стряслась беда. Участковый отошел к противоположной стене, оттолкнулся и наподдал дверь плечом. Полетел вперед с дверью в обнимку, врезался во что-то мягкое, упал, вскочил.

Хозяйка валялась в коридоре, участковый на пару с дверью хорошо ее ушибли. Мурашкин чуть было не принял женщину

ВЫБРАКОВКА

за мертвую. Но Татьяна вдруг открыла глаза, тупо поглядела на участкового и буркнула:

— И ты тоже пошел на хер...

После чего с отчетливым стуком уронила голову на пол и, кажется, заснула.

Мурашкин толкнул дверь в комнату и остолбенел. Перед ним стоял незнакомый пропитой мужик и поспешно заправлял рубашку в штаны. А забившаяся в угол Машенька, заливаясь слезами, размазывала по чумазой мордашке белое и липкое.

Дальше участковый действовал четко и стремительно.

И так хладнокровно, как до этого никогда в жизни.

* * *

Телефонный звонок разбудил Гусева в полдень. Гусев, не открывая глаз, свесился с кровати и принялся шарить по полу. Телефон не нащупывался, а свисать было неудобно: какой-то валик твердо врезался в живот. Потом рука зацепила нечто стеклянное, которое тут же упало и покатилося. Гусев заподозрил недоброе, разлепил один глаз и обнаружил, что лежит поперек своего любимого кресла в гостиной, а на полу валяются в живописном беспорядке пивные бутылки.

Кряхтя и постанывая, Гусев сполз на пол и начал тыкаться носом в «пузыри», втайне надеясь, что хоть один да оставил вчера без внимания. Чутьочку жидкости прочистить мозги. А заодно вернуть себе дар речи, поскольку телефон, судя по назойливому курлыканию, вознамерился допечь хозяина и призвать к ответу.

Бутылки оказались пусты. Гусев не без труда встал на ноги и поплелся на кухню. Походя он снял с базы радиотрубку и прижал ее к груди, пытаясь хоть так приглушить сигнал.

Трубка задушенно хрюкала с методичностью, достойной лучшего применения. То ли ошибся номером какой-нибудь факс-модем, то ли звонил человек, знающий гусевский распорядок дня и железно уверенный, что абонент дома. Хорошо бы первое, но в чудаеса Гусев принципиально не верил. Скорее всего, настойчи-

вые звонки предвещали очередную свеженькую, с пылу с жару, неприятность.

Телефон умолк на пороге кухни, да так неожиданно, что Гусев даже остановился. С глубоким сомнением поглядел на трубку. А потом, будто очнувшись, сунул ее не глядя в пространство (оказалось — в забитую грязной посудой раковину) и прыгнул к холодильнику.

На полочке лежала заначка — две бутылки «Балтики» номер три. Гусев огляделся в поисках открывалки, сообразил, что та после вчерашнего наверняка в гостинной, и, недолго думая, уцепился пробкой за край батареи. Несильно врезал сверху раскрытой ладонью — пробка с тихим звяканьем укатилась под ноги, — и жадно припал к горлышку.

Через несколько секунд бутылка опустела наполовину, а в глазах человека появилось более-менее осмысленное выражение. Гусев тяжело выдохнул, уселся за кухонный столик и мысленно обложил последними словами гадину, разбудившую его раньше времени. Ни особого похмелья, ни физической разбитости Гусев не ощущал. Он просто все еще был здорово пьян. Оставалось только допить пиво, раздеться и лечь в кровать. Хотя бы часика на три-четыре. Инструктаж перед вечерней сменой в пятнадцать тридцать. Хотя какая это смена — так, зайти отметить... Нет больше тройки Гусева. И когда ему теперь дадут хотя бы одного стажера, черт знает. А в одиночку выбраковщика никто на работу не пустит. Мало ли чего ему в голову взбредет.

Инструкция четко объясняла, почему нужно ходить втроем. И как себя вести в тех исключительных случаях, когда можно вдвоем. Но, на взгляд Гусева, все эти хитрые расстановки уступом, просчитанные для каждой тройки специально, исходя из характеристик оружия и личной психологической устойчивости бойцов, расписывались, только чтобы запудрить выбраковщикам мозги. Он-то отлично знал, почему на самом деле сотрудникам АСБ положено бродить стаей. Дай Гусеву волю, он бы своих коллег не то что на работу, а просто в магазин за хлебом поодиночке не выпускал.

И себя, ненаглядного, в первую очередь.

ВЫБРАКОВКА

Одиноким выбраковщик, тревожно-мнительный, неуверенный в себе, волочащий по асфальту длинный хвост многочисленных комплексов, представляет для добрых граждан куда большую опасность, чем целая преступная группировка. А поскольку банды, шайки и мафиозные кланы на территории Союза успешно выбраковщиками изничтожены...

Именно на этой фразе вчера Гусева перебили. Начальник Центрального отделения ласково попросил его засохнуть. Гусев засох и сел на место, лояв затылком неприязненные взгляды. Как обычно, его не поняли. Его вообще никогда не понимали. Никто. Всю жизнь.

Хотя, быть может, на этот раз намек получился слишком тонким. Но как еще передать товарищам свою тревогу за их безопасность? Как объяснить, что буквально всем телом Гусев предчувствует беду? А ведь он в АСБ шесть лет, почти с самого начала, и кому еще взвалить на себя тяжкую долю местного оракула? Когда остальные догадаются, что происходит, будет поздно. Один-единственный приказ сверху — и застоявшиеся ОМОНЫ и СОБРы передают выбраковщиков как котят. С диким наслаждением передают. Таких, как Гусев, прожженных ветеранов, отловят по одному и тут же застрелят при попытке к бегству. А прочую мелюзгу вообще пачками лопать будут, и не подавятся.

«Нас в Москве осталось чуть больше тысячи. И от силы десять тысяч по стране. Говорят, теперь больше не нужно, ведь всех годов вы уже поубивали... Мы — остатки прежней роскоши. Мы — жалкие крохи, нас просто смахнут рукавом со стола. А потом накроют стол по новой».

Стараясь не думать о грустном, Гусев прикончил бутылку и задумчиво оглянулся на холодильник. Точно, допить и баиньки. Если, конечно, эта гадина...

Гадина оказалась легка на помине. Среди чашек и тарелок обильно тренькнуло.

Гусев встал, двумя пальцами ухватил трубку за огрызок антенны и выудил из раковины. Взял полотенце и тщательно протер. Нажал кнопку и хмуро сказал в микрофон:

— Зачем вы меня разбудили?

На другом конце линии раздался страдальческий вздох.

— Паша, как хорошо, что ты на месте! Выручай, старина! Кроме тебя...

— А-а, товарищ подполковник... Ну-ну.

Слышно было, как подполковник Ларионов, начальник близлежащего отделения милиции, угрызается совестью. Выражалось это в сопении и покашливании.

— Паша...

— Вот что-то вспомнить не могу, кто это меня на днях вождем палачей обозвал? — задумался вслух Гусев.

— Да ну! — делано изумился Ларионов.

— Ты же знаешь, товарищ подполковник, я терпеть не могу, когда мне прямо так в глаза правду-матку режут.

— Паша, ну хватит, в самом деле!

— Мне правда глаза колет, понимаешь?

— Хорошо, я им скажу.

— И скажи.

— И скажу! Так скажу, присесть не смогут!

— Вот сейчас пойд и скажи. Этому, как его... Ну, летёха такой мордастый. С усами.

— Паша, можно я с тобой закончу, а потом сразу пойду и скажу ему?

Гусев усмехнулся в трубку.

— Он меня боится, — сообщил Гусев заговорщическим шепотом. — Они все меня боятся. Слушай, подполковник, а ты меня боишься?

— Извини, не очень.

— Как же так?

— А я смелый. Отважный я. Слушай, Паш, тут у нас большая неприятность. Выручи еще разок? Пожалуйста.

— Опять твои психопаты задержанного прибили?

— Если бы задержанного, я бы тебе не звонил.

— А кого тогда?...

— Понимаешь... Мурашкин с пятого участка, прекрасный мужик, взял и застрелил одного урода. В состоянии аффекта застрелил.

ВЫБРАКОВКА

— Ничего не понимаю, — удивился Гусев. — Ваша братия каждый божий день кого-нибудь застреливает в состоянии аффекта. И рисует в отчете самооборону. Напивается до состояния аффекта, а тут навстречу топает мирный гражданин в состоянии аффекта — и пошла-поехала самооборона... Странно, что вы друг друга еще не поубивали. Даром что пребываете в состоянии аффекта с утра до ночи...

Он мог бы еще долго распространяться на этот счет, но Ларионов его перебил.

— Паша, — сказал он. — Я тебя слушаю и балдею. Всю жизнь бы слушал. Позови какого-нибудь юношу из «Московского комсомольца», он с тобой потом гонораром поделится. Но мне действительно нужна твоя помощь.

— То есть твой прекрасный мужик, участковый Какашкин, не умеет писать и не может поэтому нарисовать в отчете самооборону.

— Да он в больнице! — рявкнул Ларионов.

— Почему? В какой?

— В Алексеевской, идиот!

Гусев задумался.

— Ничего себе... — пробормотал он. — Психушка, значит... Ладно, начальник, считай, я тебя простил. Докладывай обстановку.

— Докладываю, — согласился Ларионов. — Имеем два трупа...

— Ты же говорил...

— Нет, он еще и бабу одну грохнул.

— А-а, на почве ревности!

— Гусев, помолчи. Я же тебе докладываю. Имеется выбитая дверь, за ней два трупа, мужской и женский. Значит, женщина — хозяйка квартиры, мужчина — ее сожитель. Еще имеется девочка пяти лет, дочь хозяйки, живая, у нее глубокий шок, судя по всему, было изнасилование.

— Хорошо погулял участковый Какашкин! — ляпнул Гусев.

— Павел!!!

— Извини, старина, это я от неожиданности. Вот же дрянь какая...

Гусев пожалел, что вовремя не прикусил язык. Конечно, он догадался, что к чему. Случай был в каком-то смысле типовой.

Наверное, каждый выбраковщик прошел через это: на твоих глазах некто отвратительный совершает нечто ужасное. И тут тебе впервые в жизни по-настоящему «сносит башню». Вот почему уполномоченным АСБ не положено огнестрельное оружие. Только уродливый пневматический «игольник», автоматический пистолет, стреляющий иголками с парализатором мгновенного действия. Кстати, побочный эффект этой мгновенности — адская боль. Малость химики перемудрили. Наверное, у них тоже были личные счета с врагами народа.

— Факт, что насильник — сожитель хозяйки, не вызывает сомнений, — объяснил Ларионов. — Мурашкина подобрали в невменяемом состоянии, и он еще долго ничего не расскажет. Да и нечего тут рассказывать, все ясно. Зашел для профилактики, что-то услышал, позвонил, не открыли, вышиб дверь... И так далее. Нервы сдали у мужика. Клянусь, я его хорошо понимаю. Ничего, подлечится — еще послужит...

Гусев хмыкнул, но от комментариев воздержался. Понятно было, что Ларионов своего подчиненного не сдаст. Тем более участковый скорее попал в беду, чем совершил преступление. Но снова давать ему оружие и власть... «Гусев, октись, ты и сам ничуть не лучше».

— Короче говоря, был звонок насчет стрельбы, — продолжал Ларионов. — От соседей на центральный пулыг. Выехала группа, то есть все уже оформлено. Но, слава богу, у ребят хватило ума на месте разобраться, что случилось, и приостановить дальнейший процесс. Гусев, дружище, возьми все на себя, а? Ты представь, какой офигительный «глухарь» из этого дела получится! Его в принципе спихнуть не на кого!

— Кроме меня, — заметил Гусев. — Разумеется, ни один ворюга не возьмет на душу изнасилование ребенка и двойную мокруху. Да у тебя небось и нет сейчас живого вора. Ты уж, наверное, забыл, как они выглядят. А вот добренький Гусев на что угодно подпишется.

— При чем тут изнасилование, оно, считай, раскрыто. А вот мокруха... Паша, это ведь твой контингент! Запрос я тебе задним числом оформлю. И свидетелей, как положено.

ВЫБРАКОВКА

— Знаешь, подполковник, — сказал Гусев негромко. — Я, конечно, о нас с тобой невысокого мнения, но вот в такие моменты удивляюсь — и чего это у нас еще крылышки не выросли? У тебя там, случаем, нимб не проявился? Гос-по-ди! Среди каких уродов мы живем! Это же просто уму непостижимо!

— Берешь?.. — спросил Ларионов с плохо скрываемой надеждой в голосе.

— Кроме твоих людей никто этого Какашкина не видел? — деловито осведомился Гусев.

— Мурашкина! Да нет, он как отстрелялся, так на месте и завис. Метался, бормотал что-то. Группа подъехала буквально через пять минут. Вывели его тихонечко... Если кто во дворе и был, так сам знаешь, менты, они вроде китайцев, на одно лицо. А в больницу я его по благу сунул, там все будет шито-крыто.

— К тестю, что ли? — вспомнил Гусев.

— Ну.

— Ладно, — вздохнул Гусев. — Через полчаса зайду. Готовь мне запрос и сопровождающих. Если дашь того усатого лейтенанта, буду отдельно признателен. И бутылка с тебя.

— Да хоть ящик! — радостно взвыл Ларионов.

— Значит, все-таки берешь взятки! — обрадовался Гусев.

— Почему?!

— Откуда у тебя деньги на ящик, ты, подполковник!

— Нам в прошлом месяце опять зарплату повысили. А потом, я для хорошего человека, — твердо сказал Ларионов, — последнюю рубаху сниму!

— Это я-то хороший? — удивился Гусев.

— Конечно, — подтвердил Ларионов. — А если приедешь через двадцать минут, я тебе еще и не такое скажу.

— Обойдусь. Через полчаса встречай.

— Ну, Пашка, ну, выручил! Спасибо!

— Пока еще не за что, — отрезал Гусев и дал отбой.

Минуту-другую он стоял посреди кухни, задумчиво перебрасывая трубку из руки в руку и прикидывая, как навязанную Ларионовым фиктивную выбраковку провести через отчетность

Центрального отделения АСБ. Ведь если подходить к вопросу формально, то старший уполномоченный Агентства Социальной Безопасности Павел Гусев существовал нынче только де-юре. Де-факто ему положено было регулярно являться на инструктаж, а потом вместо работы плестись на все четыре стороны. Ведущий, потерявший за месяц двоих из тройки. Потерявший заодно последние остатки доверия в отделении. Со всех сторон только неприязнь и страх. Впрочем, ему не привыкать. Всегда его по жизни сопровождали эти два чувства. Он боялся, его боялись. Он ненавидел, его ненавидели. И обе стороны, как правило, эти чувства умело скрывали. Гусев себя контролировал, потому что знал: может убить. Все остальные — потому что знали: и правда может.

Только внутри тройки, ушедшей в небытие, Гусев становился нормальным человеком. Ему повезло с помощниками. Атмосферу, сложившуюся в команде, трудно было назвать взаимопониманием. Но вот доверие, готовность прикрыть спину, а то и заслонить товарища грудью, все трое ощущали друг в друге постоянно. Выдвигаясь «на маршрут» в город, тройка Гусева превращалась в единый организм.

Эта команда была неистребима. И прожила бы очень долго, не случись двоим из троих попасть под выбраковку самим.

Глава вторая

В этом — разгадка неслышанной и не имеющей аналогов в мировой истории повальной честности населения Валахии в середине XV века. После того как тысячи воров погибли на кольях или сгорели в пламени костров на городских площадях, новых охотников проверить свою удачливость уже не находилось.

Сентябрь выдался сухим, но прохладным. Лучшая погода для выбраковщика, который по долгу службы предпочитает одежду из плотной ткани и свободного покроя, скорее даже мешковатую, чтобы не так выширала наружу его профессия. Летом Гусева ужас-

ВЫБРАКОВКА

но раздражала необходимость мазаться специальными кремами и надевать гигроскопическое белье. Иначе он бы просто умер, закованный в спасительную, но абсолютно глухую броню. А сейчас он чувствовал себя замечательно. Легкая, но прочная кожанка с полами до середины бедра удачно маскировала полпуда железа и пластмассы, которые таскал на себе выбраковщик.

Тем не менее у станции метро Гусева вычислили. Он задержался купить сигарет, и тут же рядом притормозил «Соболь» с эмблемой Службы Доставки на двери.

— Помощь не требуется, коллега? — спросил парень в белом халате, высовываясь из окна.

Гусев бросил через плечо сумрачный взгляд, промолчал и снова повернулся к окошку табачного киоска. Протянул было деньги, но тут задняя дверь киоска открылась, и внутрь шагнул некто, судя по выражению лица — хозяин. Гусев присмотрелся, вздохнул, пробормотал: «Извините, у нерусских не покупаем...» и тяжело потопал к соседней палатке. Несмотря на вполне приличное настроение, ходить сегодня было отчего-то трудно.

«Соболь» все не уезжал. Взяв свое курево, Гусев подошел к фургону.

— Что там было насчет помощи? — спросил он угрюмо. — Какая еще помощь?

— Наркологическая, разумеется. Хотите маленький укольчик? Второе рождение гарантировано. Вы же чувствуете э-э... дискомфорт, сразу видно.

— Вот это глаз! — восхитился Гусев.

— Работа такая, коллега. Давайте, заходите.

— Н-нет, спасибо, — пробормотал Гусев. У нарколога было приятное открытое лицо и заразительная улыбка. Но это еще не повод разрешать человеку тыкать в тебя иголками.

— Вам же на маршрут сейчас, верно? Давайте поправим здоровье. Я просто нарушу профессиональную этику, если отпущу вас.

— Как вы меня раскрыли? — спросил Гусев, безуспешно пытаясь оглядеть себя в поисках какого-нибудь вопиющего изъяна.

— Просто характерная моторика. Сейчас она, конечно, сглажена — последствия интоксикации. Но все равно если знать, что искать — видно.

— На психиатра, что ли, учитесь? — догадался Гусев.

— Верно. Не буду же я всю жизнь пьяных по домам развозить. Доставка — это так, ради денег. Ну давайте, ныряйте в наше гостеприимное лоно.

— Не-а.

— Почему?!

— Страшно.

— Тьфу! Поймите, вам через пять минут станет легче. А через пятнадцать — как новенький будете.

— Я с похмелья тревожный, — признался Гусев. — Боюсь автомобилей, низколетящих голубей и врачей-убийц.

Из кабины раздался сдавленный хохоток: водитель подслушивал. Нарколог смерил Гусева взглядом, каким одаривают непослушного ребенка.

— С вас прямо хоть диплом пиши, — сказал он. — Особенно если низколетящие голуби... Не хотите укол, могу смешать микстурку. Но дольше ждать придется. Слушайте, а можно я вам хотя бы давление померяю?

— Я что, настолько плох?

— Жить-то будете...

Гусев сдался и полез в машину, бормоча: «До чего же вы, медики, настырные...» Внутри обнаружился еще один клиент Доставки. Поперек двух кресел развалился молодой человек в парадном флотском мундире. Фуражка у моряка съехала на нос, сбоку из-под нее выбивались неуставные русые кудри.

— Здорово, полундра, — бросил ему Гусев. Тот не отреагировал. Давление у Гусева оказалось явно пониженное.

— Ну хотя бы валокордин, — предложил врач.

— Делать вам нечего...

— Ваша правда, коллега. Скука жуткая. Третий час уже катаемся, хоть бы кто под колеса упал... В сентябре вообще мало пьяных, в основном работают люди, восстанавливают семейный бюджет, подорванный отпуском, хе-хе...

ВЫБРАКОВКА

— А это? — Гусев ткнул пальцем через плечо. — Что же вы его домой не везете?

— Товарищ капитан первого ранга, мичман Харитонов... — неожиданно сообщил в пространство флотский. После чего громко всхрапнул и снова отключился.

— Это мичман Харитонов, — объяснил врач, отсчитывая капли.

— Вижу, что не адмирал Нахимов...

— Вот, пейте. Бедняге нельзя домой, он на службе. Никак до Генштаба не дойдет. Ничего, я ему такой коктейль в вену запузрырил...

Гусев проглотил лекарство.

— Спасибо, — кивнул он, возвращая стакан. — Слушайте, доктор... Можно некорректный вопрос?

— Смотря насколько, — улыбнулся врач.

Гусев сначала малость опешил — на его памяти так с выбраковкой не разговаривали, — а потом сообразил: медик совершенно не боится АСБ. Искренне не боится. Наверное, совесть кристально чиста. «Побольше бы нам таких».

— Для вас что, на самом деле все пациенты одинаковы? — спросил Гусев.

— Разумеется. Я же клятву давал.

— Клятва штука хорошая... Но если по-человечески? Все люди разные, и кто-то вам окажется симпатичен, а кто-то, наоборот, противен до тошноты. Как вы с этим справляетесь?

— Ну... Поначалу старался не оценивать. Подходил к вопросу с точки зрения долга. А потом, наверное, привык. Видите ли, больного легко пожалеть, какой бы скотиной он ни был. Больные все страдают.

— Больные все страдают... — Гусев покивал своим мыслям.

— Я, кажется, понимаю, — догадался врач. — У вас схожая проблема?

Гусев замялся.

— Да как сказать, — пробормотал он. — Вряд ли. Медик иногда вынужден быть жестоким к пациенту, чтобы тот потом выздоровел. А мне... А нам приходится делать больно одному человеку, чтобы стало хорошо другим.

— Не вижу особой разницы, — твердо сказал врач.

— Может, она в том, что мы специально учимся не жалеть своих клиентов. Даже провоцируем их на драку, чтобы не было стыдно. А мне кажется...

— Еще бы вы их жалели! — перебил врач. — Так и рехнуться недолго.

«Вот оно, новое поколение, — мелькнуло у Гусева. — Допрыгались. А рассказать моему старику — помрет от счастья. Нет, ошибся я, таких нам даром не надо...»

— Вы еще молодой. Сколько вам, простите?

— Двадцать два.

— У-у... — Гусев улыбнулся. — Все бы отдал на свете, чтобы мне сейчас было двадцать два.

— А вам где-то сорок? Но в любом случае вы мне несколько не противны, коллега. Ну, я ответил на вопрос, не так ли?

Гусев задумчиво кивнул, выбрался из фургона и остановился, придерживая дверь.

— Вы весьма проницательны, — сказал он. — Я и правда хотел убедиться, что не противен вам. Спасибо за помощь, спасибо за внимание. Совет хотите? Полезный для жизни. Никогда, понимаете, ни при каких обстоятельствах не называйте выбраковщика «коллегой». Мы с вами оба работаем на государство, но заняты совершенно разным делом.

— Отнюдь. Мы оба лечим, — не согласился врач.

— Вам, юноша, с такими взглядами нужно работать в АСБ, — фыркнул Гусев, — а не пьяных по улицам собирать.

— Но я буду работать в АСБ. Уже через год. Меня берут стажером в медслужбу. Так что, может, еще увидимся.

— А-а... Ну да. Конечно. Понятно, — Гусев захлопнул дверцу и ушел прочь.

* * *

Обычно Гусев, выбираясь на улицу, входил в состояние легкой настроженности. Он будто ощупывал пространство вокруг: нет ли где непорядка, не обижают ли кого. Но после беседы с наркологом Гусев погрузился в себя. На эскалаторе он смо-

ВЫБРАКОВКА

трел под ноги, и искомый беспорядок заметил, когда уже проезжал мимо. А в эпицентре беспорядка молча страдало обиженное существо.

Возле будки дежурного толпилось несколько человек, глядя вниз, на «гребенку» правого эскалатора, который сейчас был остановлен. Сам дежурный почему-то отсутствовал, злобно нарушая служебную инструкцию. Гусев обогнул будку и раздвинул людей плечом. На стыке «гребенки» и пола сидела в неловкой позе небольшая грязно-белая дворняжка. На ее длинной морде застыло выражение безмолвной мольбы о помощи.

Гусев такого раньше не видел, но сразу понял, что случилось. Несколько прядей с растрепанного хвоста собаки каким-то образом защемило между стальными ребрами «гребенки» и тележкой эскалатора. Псине редкостно повезло: хвост у нее все еще был. Наверное, вовремя остановили эскалатор. Неудачно севший на «гребенку» человек теряет минимум половину задницы, а то и жизнь.

— Где дежурный? — спросил Гусев.

— Ножницы ищет, — сказали из-за спины. — Того и гляди угробится кто-нибудь, а ей, видите ли, собачку жалко.

— Ну-ка... — Гусев присел и осторожно, чтобы зря не причинять боли, ощупал собачий хвост, стараясь разглядеть, какие именно белые лохмы защемило, а какие свободны. Псина — как выяснилось, сука — восприняла обследование с глубоким пониманием, разве что дышать не перестала.

Зевак позади ощутимо прибавилось. Всегда приятно участвовать в добром деле, когда им уже занялся другой.

— Вы поосторожнее, молодой человек! Укусит еще...

— Что ж она, совсем дура? — не согласился кто-то.

Собака немислимым образом извернулась и лизнула Гусева в щеку.

— Спокойно, малыш, спокойно... — пробормотал Гусев. — Та-ак, серьезных повреждений не вижу...

— А вы что, ветеринар? — спросили из толпы. Сейчас это уже была настоящая толпа.

— Вроде того, — отозвался Гусев, доставая швейцарский нож и выдвигая кусачки. — Ну, барышня, прощайся с красотой! — и принялся стричь.

«Барышня» все порывалась благодарно лизаться, что здорово тормозило ход операции.

— Молодой человек! — позвали начальственным голосом.

— А? — Гусев вынырнул из-под хвоста.

— Вы что там делаете? — над Гусевым нависла дежурная по эскалатору, дородная тетка с ужасными ножницами для резки металла в руках.

— У вас инструмент неподходящий, — Гусев вернулся к своему увлекательному занятию.

— Что за самодеятельность! — возмутилась дежурная. — На минуту нельзя отойти...

— Да это ветеринар! — объяснили ей.

— Вы правда ветеринар, молодой человек?

Гусеву осталось состричь всего чуть-чуть. Собака, чуя приближение свободы, начала дергаться, и он крепко прижал основание хвоста к полу, чтобы глупышка себе не навредила.

— К сожалению, — пропыхтел Гусев, — уже не молодой. И никакой я не ветеринар.

— Черт знает что такое! — возмутилась дежурная. — Ну ладно, режьте там.

— Вот спасибо... А собака что, местная?

— Да так... Ездит иногда.

— А билет она покупает? — хохотнули в толпе. — Или у нее пенсионная книжка?

— Теперь все равно льгота по инвалидности будет... — миролюбиво сообщила дежурная, чем вызвала дружное веселье собравшихся. — Умная собачка. Всегда аккуратно эскалатором пользовалась, не то что некоторые. А сегодня замешкалась — и бац! Хорошо, я за ней обычно слежу. Едва успела «стоп» нажать. Вот, учитесь, граждане.

— На ходе с эскалатора поднимайте хвост...

— И хвост поднимайте, у кого есть! Сумки повыше держите. А особенно — длинные полы одежды.

ВЫБРАКОВКА

Гусев слушал разговоры, посмеивался и работал кусачками. Наконец он выстриг последний запутавшийся клок, осторожно подвигал хвост из стороны в сторону, понял, что все получилось, отпустил собаку и поспешно встал, пока его не облизали с ног до головы.

Толпа во главе с дежурной разразилась аплодисментами. Собака прыгала вокруг и радостно тявкала. Преисполненный благодарности к свидетелям его подвига, Гусев смущенно кивнул, спрятал ножик и расправил плечи. От этого движения у него из-под куртки предательски сверкнул значок. Наверное, Гусев с похмелья небрежно его прицепил. Самый уголок выглянул, но оказалось достаточно.

Половину толпы — как ветром сдуло.

Дежурная залилась краской и чуть не уронила ножницы.

— Никаких проблем, успокойтесь, — поспешно сказал Гусев.

— Подменить некому было, — пробормотала дежурная. — У нас все на инструктаже по технике безопасности...

— Вот именно что безопасности, — кровожадно поддакнул один из зевак.

— Это кто там гавкает? — спросил Гусев ласково.

Толпа, словно по команде, уполовинилась еще. Гусев, криво усмехнувшись, проводил взглядом беглецов и заметил, что к эскалаторам спешит еще одна женщина в форме работника метрополитена.

— А вот и сменщик, — обрадовался Гусев. — Теперь вы можете с чистой совестью проводить меня туда, где здесь моют руки.

— Конечно... — выдавила дежурная.

— Дамы и господа, оставьте нас, пожалуйста, — мягко попросил Гусев. Люди неохотно разошлись, озираясь. Только какой-то могучий дед с офицерской выправкой подошел к Гусеву вплотную и заглянул ему в лицо.

— Чем могу?.. — учтиво спросил Гусев.

— Вы благородный человек, — неторопливо произнес дед мощным голосом отставного командира. Большого командира, судя по интонациям.

— Есть немножко, — признался Гусев, пряча глаза. — Только не подумайте, что я какое-то исключение. Отнюдь нет.

— У меня к вам вопрос. Скажите, это правда, что АСБ скоро расформируют?

— Насколько скоро, не знаю. Но нас должны распустить, это было прописано в «Указе сто два». Нельзя же без конца терроризировать население.

— Терроризировать? — удивился дед. — Кто это вам сказал? Да пол-России на вас буквально молится! Вы делаете очень важную работу.

— Мы ее уже сделали. Почти всю.

— Странно такое слышать от уполномоченного АСБ. Впрочем... Честь имею, — дед по-военному четко откланялся и ушел.

Гусев, жуя губу, смотрел в его широкую спину. Так и подмывало догнать старика и расспросить, дослужился ли тот до генерала. Позади дежурная шепталась со сменщицей.

— Так вы меня проводите? — обернулся к ней Гусев.

— Да, пойдете!

Собака увязалась следом, и Гусев подумал, что вот еще проблема — избавиться от этой спасенной. Желательно ненасильственным образом. По другую руку от выбраковщика мучительно переживала свою будущность дежурная, преступно оставившая пост. Десяток-другой шагов они прошли молча, и Гусев понял, что собака как-нибудь сама отстанет, а вот терпеть присутствие трясушейся от страха женщины надоело.

— Простите, что я вас напугал, — сказал он. — Поверьте, я ничего против вас не имею.

— Вы меня правда не накажете? — встрепенулась женщина.

— За что? — улыбнулся Гусев. — За то, что вы оставили пост в зоне повышенной опасности, потому что не могли видеть страдания живого существа? Бросьте. Вам просто стало жаль собаку. Если у нас даже женщины не будут поддаваться элементарной жалости, в гробу я видел такую нацию. Русские мы или кто, в конце концов? Забудьте.

— Начальник приехал, устроил внеплановый инструктаж, — пожаловалась дежурная. — Я помощь вызвала, гляжу — никто не

ВЫБРАКОВКА

идет. Понятно, не человек ведь, собака, потерпит. Да и пассажи-
ров мало сейчас, две машины исправно работают... Пять минут
жду, десять... Ну, сорвалась и бегом... Так бы я никогда...

— А почему инструктаж в рабочее время? Я думал, на метро-
политене порядки очень жесткие.

— Для кого-то жесткие, для кого-то нет.

Гусев посмотрел на часы.

— Жалко, на работу опаздываю. А то подзадержаться здесь,
устроить разнос кому следует? Нет, у вас же первой будут непри-
ятности.

— Да уж! — усмехнулась дежурная. — Съедят.

— Видите, — сказал Гусев. — Мне тоже приходится выбирать
между жалостью и долгом. Постоянно. Каждый день.

Посреди станции околачивалось двое милиционеров. Гусев
вспомнил участкового Мурашкина и подумал, что тот, наверное,
почуял бы застрявшую на эскалаторе собаку за километр. «Все-
таки самые лучшие защитники и спасатели — это малость сумас-
шедшие люди. И пока им есть кого защищать и спасти, будет по-
рядок. А когда они перезащищают и переспасают всех-всех-всех...
Что тогда?»

Исторические аналогии подсказывали Гусеву, что в таких слу-
чаях герои-богатыри сами учиняют дикий бардак. Чтобы было
чем заняться.

Конечно, если вовремя не приходят другие богатыри и не лик-
видируют первых.

Глава третья

Определенно можно сказать только одно: людская молва и вре-
мя не преувеличили его жестокость. Иногда он совершал герои-
ческие поступки, но все же был не героем, а психопатом.

Центральное отделение занимало два подъезда в идущей под снос
монументальной развалюхе 1903 года постройки. Наверное, сто
лет назад домик был ничего себе, но потом явились большевики.

Выполняя историческую миссию запихнуть в господские апартаменты побольше барачной швали, они выкопали под домом глубокий подвал и надстроили два этажа. Здание постояло-постояло да и начало расползаться по швам. В каком-нибудь отдаленном районе на это дело плевали бы до тех пор, покуда через трещины в стенах не начали просачиваться бродячие животные. Но тут дом был в полукилометре от Кремля, поэтому его по-быстрому просверлили, а сквозь дырки пустили толстенные стяжки. Жильцы к трубам с резьбой цепляли бечеву для сушки белья. Гусев угодил в первую волну сотрудников АСБ, заселявших офис Центрального, и лично обрывал это замасленное провисшее мочало, на которое смотреть-то было страшно. Невольно в голову лезла картинка: сталкер с мешком хабара ползет по Зоне, а над головой у него тихонько шевелятся на ветру такие вот бородастые веревки...

«Мы с развеселым гоготом крушили перегородки и таскали мебель, а я все оглядывался на ребят и думал: чистой воды сталкеры. Лезут куда-то с наркотическим упорством, добывают то, непонятно что, гибнут ради этого непонятно чего. Неужели и я такой же? Нет, только не я. А внутренний голос твердил: голубчик, разуй глаза! Конечно, и ты тоже. Никто ведь тебя не просил идти на линию огня, сам полез... Как это — никто не просил? Я сам и просил. На коленях ползал. Аргументированно умолял. Требовательно упрашивал».

Гусев взялся за ручку подъездной двери и с усилием потянул. Дверь жалобно скрипнула, отошла сантиметров на тридцать, застряла, но все-таки уступила и отодвинулась еще немного. Гусев не без труда пропихнул себя в открывшуюся щель и сразу наткнулся на дневную смену, бредущую вниз по лестнице. Выражения лиц «дневного» ему не понравились.

С ним хмуро здоровались, кое-кто даже за руку, но чаще приветственно хмыкали и прятали глаза. Никому здесь больше не было дела до Пэ Гусева, суперагента с лицензией на убийство. Он спекся и уже не подлежал восторженному поклонению. «Или это я себя накручиваю? — подумал Гусев. — Ну, устал народ, вымо-

ВЫБРАКОВКА

тался. А может, кого-нибудь из наших подстрелили. Хотя вряд ли. Некому стрелять».

На площадке третьего этажа курила, ожесточенно жестикулировала и ругалась матом патрульная группа Данилова. Четыре тройки намертво закупорили проход, и Гусев волей-неволей принялся расчищать себе дорогу. Настроение сразу поднялось: несмотря на общее перевозбуждение, его заметили, принялись хлопать по плечу и совать руки. То ли Гусев еще не окончательно спекся, то ли не все так думали, то ли он на самом деле попусту накручивал себя.

Данилов как раз выкрикивал в дверь офиса порцию нечленораздельных оскорблений, когда Гусев осторожно взял его за локоть.

— Пэ! — заорал Данилов прямо Гусеву в ухо. — Ну хоть ты скажи этим негодьям! Почему опять мы?! В прошлом месяце Данила, теперь снова Данила! Что я тут, главный зоофил?! Я в отставку подам! Я уйду в рядовые! Хватит делать из меня этого... Как его...

— Начальника очистки, — подсказали с лестницы. — Полиграф Полиграфович, не переживайте так.

Выбраковщики заржали. Делать им больше ничего не оставалось, только потешаться над собой. Гусев окончательно воспрял духом. Разумеется, вот откуда хмурые лица. «Дневное» снова погнало на отстрел бродячих собак. И как всегда, старший — Данилов. Бр-р-р... Это называется: любишь расстреливать — люби и могилки копать.

«Именно так — самому копать. А то слишком много романтики вокруг работы палача. Но собаки, конечно, перебор. Собака — это вам не обдолбанный бандит с автоматом. Хорошо еще, когда пси-на издали чует тебя, пропитанного запахом смерти, и старается убежать. А когда просто стоит и вглядывается в твои глаза... Нет, кончается выбраковка. Еще год назад послали бы мы их с этими собаками далеко и надолго. Подумаешь, заказ Моссовета... Да я когда-то половину этого Моссовета взял за плечико и отвел в труповозку. Сейчас, что ли, там браковать некого? Да просто. Одно слово — взяточники. Но прошлой осенью по всему

Союзу отменили ежеквартальные проверки чиновников на детекторе лжи. Слишком круто, видите ли. Унизительно. Хорошо, мы и без детектора можем, нам хватит малейшего намека. Даже видео не нужно — один микрофончик, одна кассетка. И привет горячий. Здравствуйте, господа коррупционеры, я старший уполномоченный Агентства Социальной Безопасности Пэ Гусев. Имеете право оказать сопротивление. Имеете право не называть себя. Имеете право не отвечать на вопросы... Пожалуйста, граждане, к дознавателю. А там уж вы сами все расскажете... М-да. Только оперативных данных по Моссовету нам больше не дадут. Все, отрезали».

— Пэ! — требовал Данилов, тряся Гусева за плечо. — Очнись! Ну скажи ты шефу, ты же можешь, я знаю...

— Ничего я уже не могу, — пробормотал Гусев. — Я бы тебе предложил местами поменяться, но ты ведь не согласишься...

На площадке внезапно стало очень тихо.

— ...Да и это не в наших силах, — заключил Гусев.

Данилов отпустил его плечо и сник.

— Разве что... — Гусев оглядел сгрудившуюся на лестнице группу. — Хочешь, я завтра пойду с вами?

— Пэ! Это ты? — раздался из офиса голос шефа. — Никуда ты с ним не пойдешь. Ну-ка, сюда давай!

Сокрушенный Данилов выразительно сплюнул через порог, ободряюще ткнул Гусева кулаком в живот и угромыхал вниз по лестнице, увлекая за собой группу. Некоторые из его людей с интересом оглядывались на Гусева. Все прекрасно знали, что он уже месяц околачивается в резерве. Неужели ему нашли-таки ведомых? Это при нынешнем тотальном некомплекте...

Примерно то же думал и Гусев, шагая внутрь офиса и растирая ногой по коврику даниловский плевок.

— Ничего-ничего, товарищи людоеды и душегубы! — ободряюще гудел Данилов на лестнице. — Это ничего. Бывает...

Шеф стоял в коридоре, засунув руки в карманы и раскачиваясь с пятки на носок.

— Пришел? — зачем-то спросил он. — А ну, поближе.

ВЫБРАКОВКА

Гусев подошел к начальству вплотную, набрал в легкие воздуха и мощно дыхнул.

— Ф-фу! — отмахнулся шеф. — Сколько ты куришь, Пэ? Две пачки? Три?

— Ну две. А какая разница? Все равно помру.

— Смерть тоже разная бывает. По мне, уж лучше схлопотать пулю, чем выхаркивать легкие.

— Что, приходилось? — осведомился Гусев с выражением неподдельного интереса на лице.

Шеф тяжело вздохнул.

— За мной... чудовище, — распорядился он.

Чудовище в ответ вздохнуло еще глубже и очень жалостно, но за шефом последовало.

— Что там случилось у тебя сегодня днем? — бросил шеф через плечо. — С каких это пор ты записался в юные друзья милиции?

— Там особый случай, шеф.

— И...?

— Наш случай. Участковый сделал нашу работу.

— ...и от напряжения сошел с ума, — заключил шеф, сворачивая за угол.

Гусев счел за лучшее промолчать.

— Третий особый случай на нашей территории, — сообщил шеф, открывая дверь тактического класса. — Чего встал, заходи.

— За сегодня? — ужаснулся Гусев.

— Да нет, за неделю. Все равно очень много.

Гусев вошел в класс и присел на край парты.

— Убивают преступников на месте? — спросил он. — Да?

— Ну, не всяких, конечно. Тех, кто по идее — наш клиент. И если с поличным. В понедельник ночью сняли насильника прямо с какой-то девицы, и тут же его... Забраковали. А делать-то грамотно не умеют, не обучены. Так напугали бедняжку, что она теперь из больницы не скоро выйдет.

— Я себе представляю, — кивнул Гусев. — Народные мстители... Забили ногами. Били долго, обливаясь потом и сладострастно хрюкая.

— Циник ты, Гусев.

— Я выбраковщик, шеф. Откуда у меня эмоции? У меня все подавлено к чертовой матери. Взял за ушко, отвел за угол, посадил в машинку. Был урод — не стало уroda. И главное — его жертва не чувствует себя виноватой, хотя лично приговорила гада. Потому что мы все делаем тихо. Это ведь очень важно — уберечь жертву от комплекса вины.

— Правильно, — кивнул шеф. — Это ты хорошо придумал.

— Да, — сказал Гусев ровным голосом. — Это я придумал.

— А кто спорит? — улыбнулся шеф. — Надеюсь, ты еще не научился преподавать свою науку молодым.

Гусев коротко мотнул головой.

— Угу, — подбодрил его шеф.

— А я уж думал... — Гусев вдруг сгорбился и спрятал лицо в ладонях.

— Пока даю одного. Серьезных заказов не жди, так — патруль, мелочовка всякая. Но зато сможешь полноценно работать.

— Да хотя бы патруль! — воскликнул Гусев, разгибаясь. Глаза его слегка поблескивали — он с трудом удержал слезы.

— Потерпи немного, Пэ, — мягко попросил шеф. — Объявлен набор стажеров. Я-то думал, о нас совсем забыли. Но теперь есть основания надеяться... Строго между нами, Пэ, — в город потянулась всякая сволочь, которая отсиживалась на периферии. Тихой сапой начинает тут разведку.

— Чуют, гады, нашу слабину? Разным слухам поверили?

— Да похоже. Но мы их возьмем раньше, чем они успеют развернуться. У Мышкина на днях будет спецоперация, Даниле тоже есть заказ. Я думаю, именно поэтому и молодых набирают. Так что будет тебе и тройка, будет и целая группа. Думаешь, я совсем глухой? Не-ет, коллега, я тебя очень внимательно слушал. Все это время, что ты молол языком, валял дурака и строил из себя предсказателя. Но, кажется, ты ошибся.

— Я... Я должен сделать конкретные выводы? — осторожно спросил Гусев.

— Пока только один. Хватит болтать. Хватит нарываться. Не отвечивай, Пэ.

ВЫБРАКОВКА

— Ну, если я действительно ошибся и нашу контору не прикроют...

— Держи нос пониже, но обязательно по ветру, — сказал шеф многозначительно. — Может, увидишь такое, чего я не замечу. А пока — готовь тех, кого получишь. Хорошо готовь. Если придет следующее поколение, это будут совсем новые для нас люди. Они ведь настоящего дела не видели и, надеюсь, не увидят никогда. Вот, например, твой стажер. Славный парнишка, но он даже не очень понимает, каким ветром его занесло в АСБ. И замечательно. Эти... — шеф махнул рукой в сторону лестницы, — слишком хорошо знали, для чего они здесь.

— И теперь их гоняют убивать собак, чтобы они поняли себе настоящую цену? — ввернул Гусев.

Шеф почесал в затылке.

— Черт его знает, — пробормотал он. — Я как-то не задумывался. Знаешь, собаки — это даже неплохо. В конце концов, нашим ковбоям давно пора слегка утихнуть. Сбавить обороты. Пусть хотя бы раз в жизни почувствуют стыд. Иначе их уже не наставить на путь истинный.

Гусев коротко глянул на шефа исподлобья.

— Честные шерифы отстреливают дворянжек... — пробормотал он. — Глупость какая. Вы их только против Агентства настрોите. Да еще против себя лично.

— Я, что ли, отстрел собак придумал? — обиделся шеф. — Я просто говорю, что всяким Даниловым и прочим Мышкиным это может оказаться полезно.

— Сомневаюсь. А насчет стыда вообще бред. Они не устыдятся, а только обозлятся. Выбраковщика, который отработал больше пяти лет, можно самого браковать. Или как минимум лечить. Таков мой диагноз.

— Ну пойдй тогда и застрелись, — надулся шеф.

— Со мной особый случай, шеф, вы же знаете. Между прочим, так это вы меня сдали подполковнику Ларионову? То-то он был такой ласковый...

Шеф замаялся.

— Ближе никого не оказалось. Ты извини, Пэ.

— Тогда нечего подначивать — юный друг милиции и все такое... Да ладно, я на этом деле бутылку заработал. И покуражился вволю над одним ментом усатым. Знаете, как он меня обозвал? Вождь палачей!

— А ты что?

— А я попросил Ларионова дать его мне в сопровождающие. И этот усатый битый час ходил за мной хвостиком по месту происшествия. И все ждал, когда я скажу ему гадость. А я взял — и не сказал. Бедняга чуть не помер от натуги. В жизни его, наверное, так не презирали.

— Уф-ф... — шеф помотал головой, что-то соображая. — Не простят они нам. Ох, чую я, не простят.

— Завидуете Железному Феликсу? — поддел его Гусев.

— Это почему? — насторожился шеф.

— Он весьма своевременно помер. Не стал дожидаться, когда за ним придут и начнут не прощать.

— Устал я от тебя, Пэ, — сообщил шеф. — Тебя послушать, так ты и этот момент тоже предусмотрел.

— Естественно. Я изучал историю карательных органов. Причем не только наших. Этот момент наступал всегда. Рано или поздно власть говорит, что революционный террор исчерпал себя и пора жить тихо-мирно. А что делать с террористами, если они кроме терроризма ничего не умеют? Да казнить их, людоедов, — и так доказать собственную чистоту. Это просто ротация символов власти, шеф. Закон природы. В общем, мне незачем стреляться. У меня есть шанс принять смерть в бою. Уж когда за нами-то придут, мы хорошо повеселимся, верно?

Шеф внимательно оглядел Гусева с ног до головы.

— Хорош фрукт, — признал он. — И все ты врешь. Только что придумал.

— Ага, — кивнул Гусев с самым невинным видом.

— Издеваешься?! — рыкнул шеф.

— Безусловно.

Шеф выгацил платок и утер потную шею. Невысокий, лысый, с намечающимся животом, он даже выглядел разительным про-

тиворечием быстрому в движениях, подтянутому и моложавому Гусеву. А уж насколько они были непохожи внутренне... Иногда Гусев поверить не мог, что вот этот человек — совершенно нормальный человек — начальник его отделения. И такой же ветеран.

Может, дело было в том, что шеф занимался кабинетной работой и, по слухам, ни разу не ходил «на маршрут». Как загнали его, отставного следователя, в вожжи палачей, так он и просидел в кабинете самые кровавые времена. И Гусев еще, когда был в силе, шпынял его постоянно. Мало ли, что ты начальник, — а у меня зато рукоятка пистолета сама в ладонь прыгает. И ты, дорогой начальник, прекрасно это знаешь...

— Ну и черт с тобой, — вздохнул шеф. — Потрепались, отдохнули... Называется, отдохнули. Расслабились, мать-перемать. Сиди, жди, сейчас с ведомым познакомя.

— Мне как с ним... не очень? — спросил Гусев. — В свете, так сказать, новых веяний?

— Почему не очень? Как обычно. Все что понадобится, то и вытворяй. Тебе же с ним на маршрут ходить, не мне.

— Иголку дам попробовать?..

— Ну, если тебе очень надо — угости. Только учти: судя по личному делу, парнишка резкий. Настоящий ганфайтер.

— Мне бы дело почитать.

— Не положено, — мстительно ухмыльнулся шеф.

Гусев поднял глаза к потолку.

— Ну-ну, — пробормотал он. — Интересно, где этого вашего э-э... парнишку натаскивали на пистолет. В спецназе каком-нибудь?

— Нет, в спецназе он с автоматом бегал, и недолго. Думаю, сам научился. Он по жизни оружие любит. До армии занимался биатлоном. А сейчас — член сборной Москвы по пейнтболу. Давно уже кандидат в мастера. Понял, видно, что мастера не вытянет, и решил пойти к нам.

Гусев почесал в затылке.

— То что надо? — понимающе кивнул шеф.

Гусев неопределенно шевельнул подбородком. Современный пейнтбол, когда бои проводятся на очень близкой дистанции, в искусственных декорациях и без камуфляжа — это действительно было неплохо. Да и пейнтбольный маркер во многом походил на штатное оружие выбраковщиков. У «парнишки» могли быть навыки, которые облегчат ему вживание в профессию. За одним маленьким исключением...

— Неплохо. За маленьким исключением. Скорее всего, мой будущий напарник адреналиновый наркоман.

— Это намного хуже, чем тихий алкоголик? — вкрадчиво поинтересовался шеф.

Гусев в ответ выпятил грудь, задрал нос и холодно сверкнул глазами.

— Ладно, ладно, — шеф сунулся было похлопать Гусева по плечу, но тот уклонился от жеста примирения. — В общем, готовься, я сейчас.

— Зачем спортсмен поперся в выбраковку? — задал Гусев риторический вопрос спине шефа. — Что у него, в детстве бандиты денежку отняли?

— Так он же адреналиновый наркоман! — без тени сарказма напомнил шеф и прикрыл за собой дверь.

Глава четвертая

Постоянная готовность к самообороне была в те времена главным и необходимым условием выживания. Тот, кто пытался уклониться от борьбы, неминуемо погибал.

Будущий напарник оказался выше Гусева почти на голову и значительно шире плечами. На лице неопита застыла вежливая полуулыбка. Судя по всему, он нервничал. Хотя, как отметил гусевский наметанный глаз, меньше, чем мог бы. То ли парень очень хотел стать выбраковщиком и получить от этой работы максимум удовольствия, то ли, наоборот, в свободное от стрельбы время страдал легким добродушием.

ВЫБРАКОВКА

— Итак, — сказал шеф. — Это стажер-уполномоченный Алексей Валюшок. А это старший уполномоченный Павел Гусев. Любить необязательно, но жаловать — приказываю.

— Леха, — представился Валюшок, протягивая руку.

— Гусев, — лениво бросил Гусев, небрежно сжимая длинные сильные пальцы. Ручка у «парнишки» оказалась тоже дай бог каждому. Хоть сейчас на лесоповал. — Пэ Гусев, суперагент с лицензией на убийство.

— Вижу, — кротко признал Валюшок.

Гусев испытующе оглядел Валюшка с ног до головы и отметил: задатки у парня что надо. Валюшок совершенно не был похож на выбраковщика. Так, умеренно модный, умеренно интеллектуальный, довольно воспитанный нормальный парень лет двадцати пяти. Все у него оказалось на вид длинное: нос, подбородок, руки, ноги. Длинные волосы, отброшенные назад, лежали на плечах, недельная щетина хорошо гармонировала с прической. Эдакий мушкетер, скорее всего Арамис. Уж больно взгляд хитрющий, и опять эта улыбочка. Слегка расхлябанные движения только подчеркивали общую картину, смысл которой сводился к одной фразе: «Я не опасен, даже наоборот». Блестяще. Это может, во-первых, не раз спасти парня от членовредительства, а во-вторых, не отпугнет его будущих жертв. Тех, кого в выбраковке называли емким словом «клиент».

— Ну-ка пройдишь слегка, — попросил Гусев. — Вон туда.

Валюшок, похоже, ждал подвоха. Легким качком головы он наметил взгляд через плечо в сторону шефа, но одумался и пошел, куда сказали. Довольно скованным шагом и немного ссутулившись. «Растерялся, — понял Гусев. — Знай наших. А то уж больно ты в себе уверен, спортсмен».

Шеф неслышно сместился к двери, уходя с предполагаемой линии стрельбы.

— Кру-гом, — негромко скомандовал Гусев, когда Валюшок, пройдя весь класс, уперся в стену носом. — Стой, раз-два.

Валюшок четко выполнил поворот и встал, снова улыбаясь. Не хотел он быть серьезным. Не чувствовал патетику момента.

Гусев достал сигарету, прикурил, выпустил дым и, не оборачиваясь, бросил шефу:

— А действительно ничего.

— И я говорю — ничего, — согласился шеф.

— Валюшок, — сообщил Гусев, — это такой пельмень.

Шеф хрюкнул, Валюшок прищурился. Не агрессивно, типа «давай-давай».

— Свежеслепленный, — развил тему Гусев. — Только что скручен и обвален, ждет своей очереди в кастрюлю. Симпатичный такой несваренный пельмешек. Эй, Валюшок! Оружие получил?

— Угу, — отозвался Валюшок.

— При тебе?

Валюшок откинул полу куртки, показав пластиковый ложемент с «игольником». Висел пистолет удобно, хотя Гусев его немного передвинул бы. Но у Валюшка и руки длиннее.

— Комбидрес надел?

Валюшок ударил себя кулаком в грудь, из-под водолазки раздался глухой стук. Парень явно избегал открывать рот, не желая нарваться на следующую подначку.

— Не жмет? Удобно?

— Привыкаю...

Гусев понимающе кивнул. Валюшок должен был пройти месячный курс тренировок со штатной амуницией. Но, конечно, легкий бронекомплект, на жаргоне АСБ — «комбидрес», еще не стал его второй кожей. Настоящий-то выбраковщик даже в булочную не пойдет без брони. Московская улица это вам не пейнтбольный зал. Мало ли когда и где честным людям может понадобиться вооруженная защита...

— И как он стреляет? — повернулся Гусев к шефу.

— Я же сказал — ганфайтер, — объяснил шеф, еще немного сдвигаясь к двери. «Подыгрывает ему, — догадался Гусев. — Дает сигнал, что пахнет жареным. Понял уже, что парень мне нравится, и хочет теперь подбросить ему лишний шанс произвести впечатление».

— Хм-м... Эй, Валюшок! Кто такой ганфайтер, знаешь?

ВЫБРАКОВКА

— Стрелок, — очень емко, дальше некуда, ответил Валюшок, который принял сигнал шефа близко к сердцу и теперь щетинился невидимыми иглами, как готовый к драке еж. Хотя класть руку на оружие или даже упираться в бок не спешил, что Гусев также записал ему в плюс.

«Десять шагов — отличная дистанция. Обычно именно на десяти шагах противник вычисляет нас. Ну посмотрим, насколько хорош стрелок Валюшок. Ты, парень, сейчас ждешь развлечения и намерен получить от него свой кайф — это заметно. Но и насчет добродушия я не ошибся: как-то в тебе одно с другим уживается. Что ж, хорошо. Развлечение я тебе обеспечу. Запомнишь на всю жизнь. Правда, ты еще не понял, как это окажется больно и унижительно. А мог бы догадаться, ведь у тебя в стволе та же иголка, что у меня. Вот поэтому никакой ты еще не ганфайтер — так, просто «ган», один из множества парней, что любят баловаться с оружием. Ну-с, приступим к обучению».

— Молодец, — похвалил Гусев. — В терминах разбираешься. Значит, так, стрелок. Я тебе сейчас прочитаю короткую нотацию. Что такое нотация, ты не в курсе. Докладываю: нотация — это речь назидательного характера, никак не подкрепленная доказательно. Нотацию обычно читает старший младшему или, как в нашем случае, ведущий — ведомому. «Ты должен», — говорит старший. И не объясняет, почему ты должен. Поэтому от нотаций обычно никакого толку. Но их почему-то все читают младшим и ведомым. Понял?

Валюшок слегка улыбнулся: мол, чего тут понимать-то? И так все ясно.

— Если мы сработаемся, — продолжал Гусев, — ты услышишь от меня кучу нотаций. Я буду делиться с тобой опытом, но без практических занятий. Ну... Во всяком случае, мы не будем специально нарываться. Извини, мне не хочется проходить по второму разу то, что я уже изучил на своей бедной шкуре. Но если вдруг настанет случай, когда моя нотация придется к месту... Ага. Вижу, что понял. Умница. Правильно, у тебя не будет времени что-то вспоминать. Тебе придется мгновенно действовать.

Поэтому все мои нотации, будь любезен, проигрывай внутри себя. Представляй, как это было. Так, словно и ты участвовал. От того, насколько ты осознаешь смысл каждой моей нотации, будет зависеть твое выживание на маршруте. И если я скажу: «Так нельзя, здесь не стой, туда не суйся», твоя задача — не вкатать, а делать, что сказано. Да?

Валюшок кивнул.

— Отлично. Тогда слушай нотацию твоего ведущего Пэ Гусева номер раз. Хороший выбраковщик — это живой выбраковщик. А лучший выбраковщик — это долгожитель. Чтобы стать долгожителем, ты обязан всех и вся опасаться. Не бояться, но опасаться. Ждать, что первый встречный захочет причинить тебе вред. И заранее ненавидеть его за это. Страх за свою жизнь и ненависть к окружающему миру — вот движущая сила выбраковщика. Каждый вор, убийца, вымогатель, насильник на московских улицах — это, конечно, враг народа. Но в первую очередь он твой личный враг. Он угрожает именно твоей жизни. Хочет растоптать именно твои ценности. Он хочет сделать тебе больно. Знаешь, как больно он может тебе сделать? А вот как...

После такой затянувшейся прелюдии Валюшок уже просто обязан был прыгнуть и упасть за парту. И он прыгнул, одновременно вырывая из кобуры пистолет. Но Гусев его переиграл. На протяжении всей «нотации» он размеренно жестикулировал левой рукой с зажатой в ней сигаретой. И Валюшок попался. Нет, конечно, не на простейший гипноз, а на сам факт гипнотического воздействия. Он начал размышлять, как именно его пытаются сбить с толку. Напрасно. Этого противник и хотел.

Рассевшийся на столе выбраковщик был в невыгодной позиции, но пока Валюшок прыгал и выбрасывал перед собой руку с пистолетом, Гусев от бедра дал короткую очередь по ногам. Валюшок грохнулся об пол с таким звуком, будто задался целью проломиться на этаж ниже. После этого монументального обрушения негромкий стук выпавшего из руки оружия прозвучал чуть ли не музыкально.

ВЫБРАКОВКА

— Надеюсь, башку не расшиб, — заметил шеф. — А видал, как он...?

— Подыгрывать не надо было, — сварливо ответил Гусев, засовывая игольник на место.

— Это кто подыгрывал? — возмутился шеф. — Ты сам и подыгрывал! Да он заждался уже, когда ты наконец соизволишь изобразить Клинта Иствуда!

— Заждался и перегорел, — заметил Гусев, слезая с парты и доставая чехол с аптечкой.

— Слушай, Пэ, — задумался шеф. — Ты на работе тоже клиентуре лекции закатываешь?

— Интересное кино! А что такое «птичка», по-вашему? Ее же читать секунд тридцать! Одно спасение — игольник уже у клиента в ухе. Как правило...

Они пересекли класс и остановились над лежащим в углу бездыханным телом. Голову Валюшок не расшиб, но вид у парня оказался неважнецкий. Парализатор не мешал ему дышать, и глаза жертвы тоже слегка шевелились. Боли в этих глазах оказалось столько, что шеф поспешил отойти подальше.

Гусев присел на корточках, отыскал на бедре у Валюшка желтое пятнышко хвостовика-стабилизатора, осторожно потянул за него и вытащил иглу.

— Одна из трех, — сказал он. — Надо было ниже брать. Парта дурацкая помешала. Ничего, Леша, потерпи. Так надо.

Валюшок страдальчески всхлипнул. За месяц тренировок ему рассказали про выбраковку все, что можно. Но фирменный гусевский приемчик «дать попробовать иголку» в стандартный набор не входил. Более того, никто о нем не знал, кроме шефа и ведомых Гусева. Случись кому проболтаться, Агентство устроило бы своему эксцентричному ветерану настоящий остракизм. Скорее всего, другие ведущие и командиры групп сочли бы Гусева законченным подонком. Не говоря уже о том, что никакой педагогикой здесь и не пахло, а вот психопатия цвела махровым цветом. Учить ведомого жизни, стреляя в него, — значит навсегда поселить в душе человека ту самую боязнь пополам с ненавистью, о которой Гусев

сейчас распинаяся. Только эта сильная эмоция была бы направлена не против окружающего мира, а против самого ведущего.

Но Гусев считал иначе.

— Вот теперь, — сказал он, доставая шприц с антидотом, — ты знаешь, коллега, что тебе предстоит делать с людьми. Со всяким отребьем, с нравственными уродами, с врагами общества и лично твоими врагами. Но все-таки с людьми, способными кое-что чувствовать. Ты будешь направо и налево раздавать боль. Жуткую боль. Невыносимую.

Он ввел парализованному лекарство и улыбнулся.

— Скоро отпустит, — пообещал он. — И если ты к этому моменту не передумаешь, то милости просим в Агентство Социальной Безопасности. Знаешь, как меня на днях один милиционер обозвал? «Вождь палачей», вот как. А я, дурак, все думал, что последний из могикан.

Глава пятая

Стокер действительно погрешил против истины: Влад не питался кровью своих подданных, предпочитая менее экзотические блюда. Однако свое прозвище он носил более чем заслуженно.

Патруль им достался «урожайный», вечерний — с шестнадцати до полуночи, это Гусев нарочно попросил. Валюшок явился на инструктаж в положенное время, был тих, скромен и по сторонам лишний раз не оглядывался. Хотя посмотреть было на что: по центру города «заступали» группа Мышкина и еще четыре тройки, одна другой колоритнее. И все сидящие в классе, разумеется, нет-нет да бросали взгляд на новичка. Без комментариев вслух, но с откровенной тоской. Внешность и манеры новоиспеченного выбраковщика могли убедить ветеранов только в одном: АСБ вырождается. Сегодня в классе собрались матерые волки, шерифы без страха и упрека, привыкшие к тому, что они — Закон и даже больше. Люди, твердо уверенные, что мир до сих пор не рухнул

ВЫБРАКОВКА

лишь благодаря им, их желанию служить обществу до последнего вздоха.

Валюшок по таким понятиям даже на помощника шерифа не тянул. Не было у него в глазах безоговорочной готовности бросаться на выручку добрым гражданам. Вот хоть ты тресни — не было. Так, еще один молодой дурак, решивший, что ему на работе позволено будет вволю повыпендриваться. Ну и чувствовать себя более защищенным в обычной жизни.

Гусев, который эту повисшую в воздухе легкую неприязнь отлично чувял, на всякий случай поймал взгляд сидевшего неподалеку Мышкина и ему подмигнул. Но Мышкин только неопределенно двинул гигантской нижней челюстью и отвернулся.

«Тем лучше, — подумал Гусев. — Значит, у парня будет меньше шансов сдружиться с нашими бравыми паладинами и нахвататься от них всяких глупостей. Вон, тот же Мышкин на днях нес околесицу насчет господствующей расы и ее великого предназначения. Наверное, это лозунг «У нерусских не покупаем» так на него подействовал. Жутко внушаемый наш Мышкин. Прочтет шизоидную книжку, и тут же заделывается апологетом новой веры. Сначала он был убежденный йог, потом жуткий антисемит, в прошлом году из церквей не вылезал, а теперь, по-моему, в нацисты метит. А у него ведь, извини-подвинься, двадцать человек, и он им постоянно мозги компостирует... Может, подарить ему что-нибудь про экстрасенсов? Пускай откроет в себе волшебный дар ясновидения и общается с Космосом. Хотя опасно: вдруг ему прямо из недр мироздания какая-нибудь чушь послышится...»

— ...и обязаны немедленно прибыть в указанную точку, — привычно бубнил шеф. — Также прошу вести себя корректно с сотрудниками МВД. Не далее как вчера один из бойцов группы... неважно, какой группы, позволил себе грубость и нетактичное поведение. С этим надо кончать. Хотя по статусу Агентство находится на равных с МВД, тем не менее одна из наших основных задач — всемерная и неукоснительная поддержка...

— Пусть тогда сами дворняг отстреливают, — прогудел Мышкин. — Если, значит, на равных. А то, короче, совсем обна-

глели, взяли моду языки распускать. Мне все Данила рассказал, не извольте сомневаться.

Шеф смерил Мышкина оценивающим взглядом.

— Чтобы это — в последний раз! — процедил он.

— Я больше не буду, — пообещал Мышкин вызывающим тоном. В классе одобрительно захихикали.

— А ты что, тоже в милиционеров бутылками кидаешься? — удивился шеф. — И еще забраковать обещаешь?

— А-а... Никак нет, товарищ начальник. Я по поводу, так сказать, выкриков с мест. Но если, значит, какого мента надо забраковать — милости просим. Как говорится, перед законом все равны.

— Но некоторые равнее других, — негромко ввернул Гусев.

Все головы в классе словно по команде обернулись к нему.

— Вы на что намекаете, товарищ Гусев? — прошипел начальник отделения.

— Я ни на что не намекаю, шеф. Я просто говорю, что АСБ в принципе стоит над законом. Но из этого не следует, что мы должны стрелять в бродячих собак. Дворнягами обязаны заниматься органы санэпиднадзора. Их что, упразднили? Или в городе ни одной двуногой сволочи не осталось? Мы, значит, всех подонков уже поубивали? Может, я тогда домой пойду?

— Гусев, — сказал шеф подчеркнуто ровным голосом, что предвещало мощную истерику. — У тебя не язык, а помело. Самый умный? Хочешь на мое место? Ах, не хочешь...

— Если мы уничтожим одну собачью стаю, на ее место придет новая из-за городской черты, — сказал Гусев. — Думаю, наверху это знают. А еще в головном офисе знают, что стрелять по невинным существам выбраковщики не приспособлены, для них это шок. В особенности — когда мимо идут наши славные чистенькие менты и издеваются...

— Мол-чать! — рявкнул шеф. — И после инструктажа — ко мне в кабинет. Оба! И ты, Калинин, тоже!

— Я просто зевнул, — сообщил Калинин.

— Мол-чать! Значит, так. Приказ. С этого дня. Кто поднимет руку на милиционера — в патруль навечно. Пожизненно!

ВЫБРАКОВКА

Никаких больше специальных операций, никаких премиальных, ни-че-го! Все. Разойтись! Мышкин и Гусев, ко мне!

— А я? — поинтересовался Калинин, демонстративно зевая.

— А ты пошел на маршрут!

— Yes, Sir!

— Что?!

— Будет исполнено, ваше благородие!!!

— Вон отсюда!!! — заорал шеф. — Все! Бегом! Негодяи! Разгильдяи! Всех на мясо! К бандитам в рудники! На лесоповал!

Выбраковщики дружно повскакивали с мест и ринулись к выходу из класса.

— Далеко не уходи, — сказал Гусев на ухо Валюшку. — Покуришь и возвращайся сюда. Я быстро.

Валюшок кивнул и растворился в хохочущей толпе у двери. Кричащего и визжащего начальства здесь не боялись. Здесь боялись начальства спокойного и хладнокровного, готового тебя забраковать.

* * *

В кабинете шеф несколько минут топал ногами и плевался, а потом устал, рухнул в кресло, утер лысину грязноватым платком и неожиданно спокойным тоном спросил:

— Гусев, это что, правда?

— Насчет чего? — не понял Гусев.

— Насчет собак.

— А-а, разумеется. Город может прокормить строго определенное число животных. Даже если вывалить очень много еды на помойки, так у каждой стаи все равно есть своя территория. Поэтому число собак в Москве — более-менее постоянная величина. Просто со временем стаи наглеют и слишком часто попадают на глаза. А то и бабушку съедят, которая их прикармливает... Тогда на собак начинают охоту, чтобы знали свое место. Но если выбить одну стаю, освободится ниша для другой стаи. И она непременно придет из-за Кольцевой. И смысл?.. И почему именно мы? И почему непременно со стрельбой? Собак не убивают прямо на улицах, их отлавливают. Народ не любит, когда убивают собак.

Шеф задумчиво поскреб лысину.

— В городе денег сейчас завались, — поддержал Гусева Мышкин. — Так сказать, девать некуда. Могли бы нанять специальных душегубов на это дело. И, короче, Пэ совершенно прав — куда девалась санэпидстанция?

Шеф поглядел на Мышкина косо, но промолчал.

— Напишите запрос, — предложил Гусев. — В комитет по экологии Верховного Совета. То есть не вы лично, а пускай главный по Москве напишет. Пусть напомнит, что собак надо уничтожать правильно, а мы этого не умеем.

Шеф подергал носом и сдался.

— Попробую, — сказал он нехотя.

— Это же, так сказать, нарочно делается, — понизив бас до шепота, сообщил Мышкин. — Короче, сегодня дворняжки, а завтра что? Каждому по метле?

— Метел не дадут, — авторитетно заявил Гусев. — Ты забыл, в городе уже по четыре дворника на подъезд. Тротуары с мылом начали мыть, как в каком-нибудь, блин, Антверпене. Когда ты в последний раз видел под ногами окурков?

Мышкин задумался. Шеф, сопя, открыл ящик письменного стола и достал сигареты. Наверное, действовало напоминание об окурках.

— Между прочим, коллеги, — сказал Гусев. — Меня только что осенило. Я, кажется, догадался, почему санэпиднадзор так распустил дворняг.

— Я тоже, — хмыкнул шеф. — Ладно, свободны. Но впредь! Чтоб никаких реплик на инструктаже! Ясно?

— Есть! — в один голос рявкнули выбраковщики.

— Не смей перебивать старшего!

— Так точно!

— Несите службу.

— Разрешите идти?

— Брысь.

За дверью Мышкин тяжело хлопнул Гусева по плечу, чуть не выколотив его этой лаской в пол по колено.

ВЫБРАКОВКА

— Молодец, Пэ, — сказал он. — Спасибо за поддержку. Вижу, значит, не заржавел. А то разное про тебя... Да! Короче, что там насчет санэпидстанции?

— Мы же всех сумасшедших забраковали, — потирая уши-бленное плечо, объяснил Гусев. — И очень жестко. А ты представь, что за типы работали собаколовами! Они сейчас либо в земле, либо в клиниках. И тех, кто подлечится, уже на живодерку не потянет.

— Выходит, мы себе на жопу, так сказать, проблему создали?

— Да нет. Тут одно из двух. Либо ты прав, и это нарочно делается, чтобы Агентство расшатать...

— Нерусских очень много наверх пролезло, — пожаловался Мышкин. — На кого ни глянь — то, значит, почти еврей, то вообще еврей, то совсем жид пархатый. Вот бы их самих в живодеры! А еще лучше — в брак!

— ...либо о нас слегка подзабыли, — закончил мысль Гусев. — Забыли, что мы собой представляем. Не знают, куда приткнуть.

Агентство подчистило страну — дай бог. Работы почти не осталось, да и клиент измельчал. Если сейчас кто-то снова голову поднимет, это все равно капля в море. Менты и без нас справятся. И встает интересный вопрос: а что с нами делать?

Он не стал объяснять, насколько многогранно его видение проблемы, что он думает об участвовавших случаях милицейского произвола и многом, многом другом. С Мышкиным нужно было изъясняться коротко и четко, иначе громила переставал слушать и уходил в себя.

— Короче, разгонят нас, — вздохнул Мышкин. — Или... Ты чего так смотришь, Пэ?

— Да нас попросту забракуают, — сказал Гусев.

— Типун тебе на язык! А на фигу тогда Агентству молодых набирать?

— А вот они нами и займутся! — ляпнул Гусев и сам задохнулся от нахлынувшего вдруг ужаса. «Черт побери! Это называется — осенило».

— Как вот дам по шее! — рывкнул Мышкин.

— Не надо. Пока не за что.

— Тьфу! — Мышкин угрожающе потряс лапой над затылком Гусева. — Короче, ты меня так больше не пугай. Я теперь неделю спать не смогу. Я, так сказать, мнительный ужасно. Зар-раза... Ладно. Ты сегодня без места?

— Да, я в свободный полет, мне надо ведомого обмять потихонечку.

— А хотя бы приблизительно?

— Треугольничком возле офиса. Новый Арбат, Смоленская, Арбат, по бульварам слегка.

— Значит, так сказать, пешим ходом... Значит, Пэ... Короче, в ноль часов жду тебя на стоянке у памятника Маяковскому. Уже чтобы был на машине. Приезжай, ладно?

— Интересное кино, — пробормотал Гусев. — С чего бы это вдруг?

— Значит, нужен, — коротко ответил Мышкин.

— А куда я ведомого дену?

— С собой бери. Это ничего. Заодно, так сказать, и обомнется, хе-хе...

— Ладно... — протянул Гусев задумчиво. — Считаю договорились. Хотя, если честно, не ожидал. Думал, меня уже всё, в пенсионеры записали.

— Тебя не забыли, — сказал Мышкин твердо. — Ну, пока. Живи!

— Живи, — отозвался Гусев старым, почти забытым прощанием выбраковщиков, уходящих на работу.

— Да, вот еще! — Мышкин что-то вспомнил и обернулся. — Короче, меня тут которые помоложе, донимали, так сказать, почему нашу формулу называют, значит, «птичкой». Я подумал-подумал и не стал им рассказывать. Незачем. Давно это было, страна уже, так сказать, совсем другая. Ни к чему им это знать. Да и не поймут толком. Это только для таких, как мы, понятно. Кто, так сказать, не забыл. Правильно?

ВЫБРАКОВКА

— Правильно, — кивнул Гусев. — Похоже, ты действительно ничего не забыл.

Мышкин подмигнул, махнул рукой и пошел к выходу, откуда доносились голоса его подчиненных. Гусев свернул в тактический класс.

В углу Валюшок, закинув ногу на ногу, листал какую-то брошюру.

— Это что у тебя? — спросил Гусев. — Устав внутренней службы?

— Нет, — Валюшок поспешно убрал брошюру в карман и встал. — Это памятка.

— Оставь, — усмехнулся Гусев. — Будет тебе сегодня памятка, мало не покажется. Идемте, агент Леха Валюшок. Поздравляю вас с первым выходом на маршрут.

Глава шестая

Надо отдать Тепешу должное — в своем палаческом усердии он не давал поблажки никому, независимо от национальности или общественного положения.

— Мы разве без машины? — удивился Валюшок, когда Гусев, выйдя из подъезда, сунул руки в карманы и, пыхтя сигаретой, бодро направился в сторону Арбатской площади.

— Подумай, — бросил Гусев через плечо, не останавливаясь.

Валюшок догнал ведущего и пристроился рядом. От дальнейших расспросов он воздержался. То ли решил сойти за умного, то ли попросту опасался лезть, что тоже говорило о наличии интеллекта.

Гусев докурил, небрежно выплюнул окурочок в подвернувшуюся урну, промазал и, раздраженно кряхтя, отправился подбирать бычок с асфальта и водворять его куда положено.

— Здесь пешком везде два шага, — снизошел он до объяснения. — А на машине сплошная пробка. Ничего, ближе к ночи покатаемся.

На автостоянке, примостившейся по-над стеной тоннеля, уходящего под Новый Арбат, двое мусорщиков со своим «полотером» усердно вылизывали асфальт, и какая-то смурная небритая личность ковырялась в парковочном счетчике. Гусев свистнул. Его проигнорировали. Выбраковщик перешел дорогу и легонько ткнул небритого пальцем в бок.

Небритый чуть ли не со скрипом повернулся к Гусеву, обнаружив на груди форменный жетон, а на молодом еще пропитом лице — выражение полной отрешенности.

— Привет, — сказал Гусев. — Ты в порядке?

— А-а... — отозвался небритый. — Здорово. Да какой, блин, порядок. Гибель. Похмелиться-то нельзя, выгонят. А я вчера именины отметил. Как начал... В общем, как начал, так и кончил. А что делать, если у меня тормозов нету? Спасибо, не буйный.

— Ну и ну! — восхитился Гусев. — Интересно, что с тобой бывает после дня рождения...

— На день рождения теща заходит, она меня придерживает слегка.

— А жена, значит, тоже без тормозов?

— Накрылась у меня жена, — сообщил небритый. — Год уже как. За наркоту.

— Хм, не знал. Извини. Соболезную, — протянул Гусев без тени сочувствия в голосе. — Чего же ты на ней женился? Знал же, чем кончится.

— Думал, справимся как-нибудь.

— С этим не справляются, это лечат. Но мало кому помогает. Ладно. Как я вижу, ты мне ничего интересного рассказать не хочешь.

— А у нас с того раза все тихо. Форменный коммунизм, не на кого стукнуть.

— Но ты посматривай все-таки.

— Будь уверен, начальник.

— Про жену твою узнать? Может, вернется еще.

Небритый перекосялся в ухмылке.

— Не смейся, начальник, — попросил он. — Что я, не понимаю...

ВЫБРАКОВКА

- Как раз не понимаешь. Это ведь не каторга, а лагерь.
- Даже если и так — шла бы она...
- Тебе виднее. Ну, пока.
- Бывай.

Мимо проехал, тихо жужжа, «полотер». Один мусорщик сидел за рычагами, второй шел следом, придирчиво оценивая результат. Асфальт за машиной разительно менял цвет. Его будто только положили. Видно было, что моющие средства эта пара не экономит.

— Вы чего так стараетесь? — спросил Гусев. — Начальство ждете?

— Да не, — сказал пеший. — Просто хочется, чтобы было красиво.

— Скоро чихнуть на улице нельзя будет, — буркнул Гусев. — Сразу прибегут двое с лопатами и один с ведром. Где их только набирают, этих маньяков...

— А мне нравится, — сказал Валюшок.

— Мне тоже, — согласился Гусев. — Я просто на самом деле боюсь однажды выволочку схлопотать за то, что жвачку мимо урны выплюнул. И не ответишь ведь.

Они снова пересекли дорогу.

— Слушай, — вспомнил неожиданно Валюшок. — А что ты говорил, будто наркомания лечится? Ее же больше не лечат у нас. Или все-таки...

— Опытный психотерапевт может вытянуть наркомана. Разумеется, не всякого. И это очень кропотливая работа. Причем медикаменты здесь не главное. Быстрая детоксикация занимает, по-моему, часов десять или двенадцать. А психологическая зависимость все равно остается. Важно устранить причины, по которым наркоман хочет уйти из реальности. Садится на иглу только тот, кому положено на нее сесть. Кому очень нужно.

— А кому не нужно?.. — тут же спросил Валюшок.

— Тот и не садится.

— А кому э-э... не очень нужно? — не унимался Валюшок.

— Того после диагностики оставляют в живых и гонят в рабочий лагерь. Поэтому я и сказал, что некоторые вернутся. Лагерь —

не каторга, обстановка терпимая... Несчастливыми забытыми животными с навеки потухшим взглядом, но они вернуться. И проведут остаток жизни, стараясь не думать о своем зелье. Не думать, не думать, каждый день изо всех сил не думать... Потому что бывших наркоманов не бывает. Расслабься, Леха. От наркоты только одно верное средство, которое помогает всем, — пуля в голову.

У табачного киоска возле «Праги» Гусев притормозил и заглянул в окошко.

— Как дела? — спросил он.

— Вашими заботами, — сообщили ему из-за витрины.

— Больше не приходили?

Валюшок ответа не расслышал. Гусев довольно хмыкнул.

— Если что — тут же звони, — сказал он продавцу. — И не в милицию, а сразу к нам. Дай-ка «Кэптен Блэк». Ага, спасибо...

На прилавок легли сигареты. Одну сторону пачки целиком закрывала белая наклейка с крупной надписью «ТАБАК УБИВАЕТ».

— Ого! — воскликнул Гусев. — Началось. Как ты там сидишь, бедняга, к тебе же все пачки на витрине этой стороной повернуты...

— Ужас, — согласился продавец. — До костей пробирает. Брошу курить на фиг. Хорошо еще, на водке не догадались какую-нибудь пакость написать.

Гусев сочувственно кивнул, расплатился, положил сигареты в карман и обернулся к Валюшку. Выражение лица у Гусева оказалось неожиданно злое.

— Не озирайся так по сторонам, ты, рейнджер недоделанный... — прошипел он. — Витрина не хуже зеркала, все отлично видно.

— Виноват, — пробормотал Валюшок.

— Запомни на будущее. Тебя из-за этого мотания головой могут принять за моего охранника, причем за хорошего охранника, потому что ты на телохранителя не похож. А нам это надо?.. Ты не осматривай пространство хозяйским глазом, а живи в нем. Мы не патрулируем территорию, мы просто идем сквозь нее.

ВЫБРАКОВКА

— Понял.

— Молодец. Пошли.

Чисто выскобленные ступеньки вели под Новый Арбат, на ту сторону. Под землей, у стеклянных дверей перехода, стоял небольшой столик, заваленный плюшками и напитками. Возле столика двое милиционеров, добродушно посмеиваясь, копались в товаре. Продавец широко улыбался.

У противоположной стены очень кстати обнаружилась урна. Гусев тут же к ней пристроился и начал распечатывать сигареты. Пачка ему досталась строптивая, и обертка улетела в мусор не раньше, чем нагрузившиеся провиантом милиционеры отошли от столика. Гусев отловил их уже на ступеньках.

— Сдается мне, сержант, что этот продавец тебя подставить решил, — ласково сказал он на ухо одному из них.

Сержант оглянулся, подпрыгнул и уронил ватрушку. Его парник ощутимо переменялся в лице. Потому что Гусев слегка распахнул куртку, и на груди его ярко переливался всеми цветами радуги голографический значок АСБ.

— А в чем дело? — поинтересовался сержант.

— А в том дело, сынок, что этот тип меня отлично знает. И он видел, что я рядом. Но все-таки позволил тебе уйти, не заплатив.

— Да я платил! — возмутился сержант, рассовывая по карманам банки с водой. — У меня свидетели есть. Какого черта! За кого ты меня держишь?!

— Я тебя держу за молокососа, который здесь ходит не больше недели. Иначе я бы тебя помнил. Кстати, вымогатели доморощенные, ну-ка, документики... Леха, продавец удрать пытается. Останови.

Валюшок сбежал по ступенькам вниз и ухватил лоточника за шиворот. Милиционеры, наливаясь кровью, вытащили документы.

— Та-ак... Сержант Логинов. Младший сержант Козырев. — Гусев снял с пояса трансивер. — Центральное! Это Гусев. Ну-ка, проверь мне двух юных блюстителей закона... — он продиктовал фамилии, звания и номера.

— Жду. Та-ак... Ну, их счастье, — он спрятал рацию, вернул милиционерам документы, вытащил блокнот и что-то записал. — Итак, молодые люди, простить вас на первый раз или будете права качать?

Сержант затравленно смотрел на лоточника, которого Валюшок развернул лицом к событиям. Лоточник нагло ухмылялся.

Напарник сержанта вдруг переместился на шаг, заслоня Гусева от прохожих. Гусев с неподдельным интересом огляделся по сторонам. Валюшок, напротив, встревоженно сунул руку за пазуху.

— Неудобно, — объяснил милиционер. — Люди смотрят.

— А денежки не платить — удобно?

— У нас с собой не было денег, — выдавил сержант. — Мы собирались заплатить позже.

— Значит, так, молодые люди. Или платите, или возвращаете товар. За это, — Гусев ткнул носком ботинка ватрушку под ногами, — с вас тоже причитается. И учтите — вы уже в картотеке. Официальное предупреждение за вымогательство.

Сержант опять посмотрел на лоточника. Тот опустил глаза.

— Как же вам не стыдно, а, ребята? — спросил Гусев. — Это же надо — с какого позорного эпизода службу начинаете! А люди, простые добрые люди, перед которыми вам так неудобно, они же надеются на вас. Думают, вы их защищать будете, помогать им... А вы их вместо этого обираете.

— Да он сам нам в руки сунул! — прошептал сержант. — Он познакомиться хотел, решил сделать подарок...

— А вот этой версии я вообще не слышал, — отрезал Гусев. — Потому что она еще страшнее.

— Да ты спроси его!

— Нет проблем, — Гусев спустился к лоточнику. Милиционеры пошли следом, в их глазах читалось откровенное желание дать выбраковщику по голове и нарисовать потом в отчете самооборону. Они действительно были совсем молодые и еще очень неопытные. От новой ошибки их удерживала только рука у Валюшка за пазухой и его прищуренный взгляд.

— Здорово, провокатор, — сказал Гусев лоточнику.

ВЫБРАКОВКА

— Здорово, гестаповец, — весело ответил тот.

— Ну, рассказывай, как дело было.

— Да как всегда бывает. Подошли типа познакомиться. Ну, туда-сюда, потом говорят — мы возьмем? Я говорю — берите. Вот и все.

— Скотина! — беспомощно взвыл сержант. — Да я тебя... Врет он все, гнида мелкая! У меня свидетель есть!

— Леха, отпусти человека, — скомандовал Гусев. — Пускай торгует. Ну вот что, детишки. Либо вы делаете, как я сказал, и остаетесь дальше служить с первым и последним официальным предупреждением. Из центра вас, конечно, погонят, будете какое-нибудь Ново-Ебенёво окучивать... Либо вы пытаетесь что-то мне доказать. Тогда я вам прямо сейчас зачитаю «птичку», вызову труповозку, и дальше вы беседуете уже не с добрым выбраковщиком, а с очень свирепым дознавателем. Пять минут психотропно-го допроса, и вся правда налицо. Что скажете?

На ступенях раздался слоновий топот, и между Гусевым и приунывшими милиционерами вклинился еще один сержант, только пожилой, усатый и грузный.

— А-а! — обрадовался Гусев. — Так это твои гаврики?

Пожилый одним взглядом охватил место происшествия и поставил диагноз.

— .....! — сказал он. — На минуту оставить нельзя! Посрать отойти невозможно! Сразу же.....!

— Безусловно, — поддержал его Гусев. — Редкостные балбесы. Тут, понимаешь, одно из двух. Либо взятка, либо рэкет. Я, конечно, рэкет нарисовал. Зафиксировано предупреждение. А они лопочутся и хотят к дознавателю.

— ...! — сообщил молодым пожилой.

— В общем, ты их забираешь и учишь жизни. А я иду своей дорогой. Так?

— Я их так научу!.. — вполголоса заорал пожилой. — Да вы же меня, уроды, просто.....!

Судя по виду пожилого, расстроен он был донельзя. Не столько взбешен, сколько именно расстроен. Действительно, ситуация

дичайшая — он ненадолго оставил подчиненных, и за это время они его макнули в дерьмо по самую кокарду.

— Ерунда, ты-то отмажешься, — утешил его Гусев.

— Как бы не так! — отмахнулся пожилой. — Мне теперь...

У-у,...!

— Ну, мы пошли, — сказал Гусев. — Всего наилучшего.

Валюшок прощаться не стал, только руку из-за пазухи вытащил.

Лоточнику Гусев сунул под нос кулак.

— А чего я неправильно сделал?! — возмутился тот.

— Это так, для профилактики. Я же не слышал, о чем у вас был разговор. Может, ты их сам подтолкнул.

Лоточник закатил глаза, воздел руки к небу и длинно выматерился, не хуже пожилого сержанта. Из тирады следовало, что он еще не окончательно сошел с ума и скорее готов согласиться на опасный для жизни нетрадиционный секс, нежели дать взятку официальному лицу — как в процессе отправления указанным лицом должностных обязанностей, так и при иных обстоятельствах.

— И все-таки следи за собой, будь осторожен, — напомнил ему Гусев, удаляясь в переход. — Знаю я твою натуру гнилую.

Лоточник проводил его неприличным жестом.

Милиционеры уже скрылись, так и не вернув награбленное. Вместо них на ступенях появилась дородная некрасивая мусорщица в оранжевой куртке. Она подняла оброненную молодым сержантом ватрушку и задумчиво оглядела ее со всех сторон.

— Да выбрось! — крикнул ей лоточник. — Иди сюда, я тебе пирожок дам... Так уж и быть, с мясом.

* * *

— А почему рэкет — не так страшно, как взятка? — спросил Валюшок, когда они с Гусевым поднялись на другую сторону Нового Арбата и неспешным шагом двинулись вдоль зеркальных стен почтамта.

— Взятка предполагает сговор двух сторон. И если одна из сторон немедленно не стукнула в милицию или АСБ, дело мож-

но очень сильно раздуть. Сегодня они у него плюшками баловались, завтра он их попросит своего хозяина припугнуть. Ну и так далее. А вот если к тебе подходят, забирают товар и не платят, это одностороннее нарушение, к тому же без перспектив развития — теоретически. Ничего, Леха, разберешься. Нам специально оставили несколько таких «вилок», на первый взгляд дурацких. Чтобы можно было с людьми эффективнее работать.

Валюшок согласно кивнул.

— Как-то они по-детски совсем...

— Дураки. Ты думаешь, этот старый прожженный мент их не учил? Еще как учил. В первый же день объяснил — упаси вас господи, ребята, хоть одну конфетку у кого-нибудь взять. Потом всю жизнь не отмоетесь. Ребята сказали «да». Но, оставшись без присмотра, решили хотя бы разок попробовать. Им же, щенятам, нужно самоутвердиться, почувствовать себя большими и страшными. А много и не надо для этого. Большинству хватит и бесплатной плюшки. Кстати, ты не голодный?

— Они даже не пытались толком оправдаться... — переживал Валюшок. — И психологического сопротивления тоже никакого. За спиной только у тебя, когда ты повернулся...

— Да, я по твоим глазам понял. На какой-то миг ребятам очень захотелось треснуть кое-кого дубиной по затылку. И ты все правильно сделал. Хвалю. А насчет оправдания... Гипноз ситуации. Слышал?

— Угу.

— Сам не испытывал? На себе? А некоторые из наших испытали, и очень потом ругались. Мы ведь этих двоих взяли с личным. Считаю, за руку схватили. Тут нужно быть законченным подлецом, чтобы мгновенно перестроиться. Настоящие мошенники — умеют. У них переключение за доли секунды происходит. Был у меня случай...

Гусев закурил. Лицо его вдруг неприязненно скривилось: неверное, случай был печальный. Валюшок с интересом ждал продолжения.

— В общем, брали мы на живца парочку негодяев. Они тонко работали, гады. Один идет и как бы незначай роняет человеку под ноги пачку денег. Куклу, разумеется. Если человек ее не берет, тут же рядом оказывается второй, подбирает ее, заглядывает жертве в глаза и спрашивает шепотом: «Что делать-то?» И дальше у жертвы выхода нет. Даже если она кричит: «Эй, мужик, ты деньги потерял, а этот поднял», все равно не уйдет. Там был десяток вариантов, как выставить человека виноватым и подвергнуть обыску. Если что — подбегали тут же остальные члены банды, становились вокруг, кричали — мы свидетели, он твои бабки взял... Сам понимаешь, бросали «куклу» человеку, у которого в кармане много денег. Вычисляли в обменных пунктах, когда те еще были, потом стали по магазинам в бумажники заглядывать. И представь себе, запасными вариантами банда пользовалась очень редко. Потому что двое из трех потерпевших обычно соглашались поделить добычу с провокатором. Жадные мы все до ужаса. Наш парень, который наживкой работал, говорил потом — ничего не бойтесь, люди, а бойтесь вот этого пакостного желания хапнуть денжат, что плохо лежат. Когда тебе мерзавец в глаза заглядывает и предлагает разделить ответственность на двоих, ты ведь не становишься от этого тоже мерзавцем. Ты думаешь, что тебе просто очень повезло. Может человеку раз в жизни повезти? Считается, что может. Должно.

Гусев умолк.

— И что дальше? — подтолкнул его Валюшок.

— Если жертва доставала свои деньги, их тут же пересчитывали и возвращали с извинениями. Разумеется, незаметно уполовинив пачку. Хотя могли бы и просто ограбить. Но, сам понимаешь, разбой и мошенничество очень разные статьи, а такое ловкое мошенничество еще и сложно доказать. Против него обычный закон бессилён, только АСБ справится. Ну, менты и дали наколку Центральному. Так вот, мы когда взяли этих ублюдков, они нам целый спектакль закатили... Не Москва, конечно, но областной драмтеатр дорого бы дал за таких актеров. А я смотрю на того, который с деньгами работал, и думаю — черт

ВЫБРАКОВКА

побери, ведь из тебя, идиота, вышел бы отличный фокусник. Ловкость рук невероятная. Выступал бы на сцене, народ бы тобой восхищался... А ты — вот как. Обидно до невозможности. Такая меня злоба разобрала тогда на род человеческий... А эти двое кричат, руками машут, святую невинность изображают. Притом что поняли уже — взяты на живца. Все равно не сдаются. Им наводчика ведут под белы ручки, еще двоих, которые обычно свидетелей изображали — нет, кричат, мы их в глаза не видели, и вообще не местные, через полчаса самолет. У наживки просто челюсть отпадает, я думал, мужик расплчется сейчас. Он, кстати, потом все равно не удержался. Одно дело — свидетельские показания, а совсем другое на собственной шкуре пережить, что это такое, когда ты человеку в глаза плюешь, а он тебе говорит: божья роса. Невыносимо. Просто невыносимо. Самое мерзкое в нашей работе — лицом к лицу с гнусностью людской встречаться. Вот такие, брат, дела.

— И что им было? — спросил Валюшок.

— А я убил их на фиг, — небрежно махнул рукой Гусев.

Валюшок коротко хохотнул, потом осекся.

— Ты не представляешь, как это было мерзко, — объяснил Гусев. — Мне просто делать ничего не оставалось, у меня ощущение было, что я сейчас утону в этом океане лжи. И, главное, «живца» очень жалко, это ведь мой ведомый был. Ну, я взял и грохнул двоих прямо на месте. Оказалось, правильно сделал, потому что ребята мне аплодировали.

Валюшок шмыгнул носом и полез за сигаретами.

— Наводчик только расстроился, — вспомнил Гусев. — Обосрался, бедный. Но тут же признался во всем. А еще один из банды в обморок упал. Они всегда так — как запахнет жареным, становятся очень сентиментальными. За что отдельно воров ненавижу... Леш, не закуривай пока. Мы сейчас на секунду вот в этот магазин заглянем. Или, хочешь, постой снаружи. Ничего особенного, я просто хочу посмотреть, нет ли нового приличного кино.

— Я тоже хочу, — сказал Валюшок и открыл Гусеву дверь.

Глава седьмая

Кол оказался также весьма эффективным регулятором экономической деятельности: когда несколько семиградских купцов, обвиненных в торговле с турками, испустили дух на рыночной площади в Шесбурге, сотрудничеству с врагами веры Христовой пришел конец.

В магазинчике играла музыка, красивая, но страшноватая. Кто-то жутким голосом ревел на гитарном фоне нечленораздельное. Гусев прислушался и опознал Кинчева. Песня была ему незнакома и не особенно понравилась. Чересчур уж выворачивала душу.

В стеклянный прилавок уперся толстым животом покупатель — маленький азербайджанец в дорогом спортивном костюме. Представитель обреченной на вымирание породы: недавно брошенный в массы лозунг «У нерусских не покупаем» людям понравился, и могущество чернявых диаспор таяло на глазах. Но пока они еще хорохорились. Как этот, например. Даже со спины чувствовалось: вот настоящий хозяин жизни, из тех, что с московской пропиской и тридцатью тремя зубами девяносто шестой пробы.

— Так ты, нах, сделаешь? — спрашивал он у продавца, молодого парня, бросившего на Гусева подозрительный взгляд.

— Я же сказал — на будущей неделе сделаю.

— Но ты, бля, обязательно, нах, понял?

От интонаций азербайджанца Гусева покоробило еще больше, чем от завываний в динамиках. Кроме того, хозяин жизни не обратил внимания на важный момент: продавец снова покосился на Гусева. Хозяину жизни было совершенно наплевать, кто там сзади вошел в дверь. Что Гусева окончательно взбеленило.

Валушок уткнулся носом в угловую витрину, набитую компакт-дисками. Гусев встал рядом с азербайджанцем, осмотрелся, понял, что интересного ничего здесь нет, прослушал еще серию «бля» и «нах», слегка приглушенных вокальными упражнениями Кинчева, и почувствовал, что тоже очень хочет на кого-нибудь наорать.

ВЫБРАКОВКА

— Ну ты, бля, понял, я, нах, зайду. А это что за хня воеет?

— «Алиса», — объяснила девушка, сидящая за кассой.

— Какая, нах, Алиса? Девочка?

— Группа! — усмехнулась кассирша. — Кинчев.

— Никогда не слышал. Ну и хня! — возмутился азербайджанец. — Я и то, бля, лучше спою. Ладно, нах, пока.

Он повернулся, чудом не задев Гусева животом, и вышел. Кинчев, будто по команде, немедленно стих. Продавец и кассирша переглянулись, оба с легкой усмешкой.

— Что у вас новенького? — спросил Гусев

— А что вас интересует? — вид у продавца был немного смущенный.

— Да вообще свежее что-нибудь.

— Вот этот не смотрели? Милицейский боевик.

Завязалась оживленная беседа, точнее оживился продавец, а Гусев хмыкал и кивал. Постепенно на прилавке выросла стопка из пяти-шести кассет. Валюшок заинтересовался, подошел к Гусеву и заглянул через плечо. Судя по подбору фильмов, какой-либо вкус у Гусева отсутствовал в принципе. Кое-что оказалось совершенным позорищем, Валюшок такое не стал бы смотреть даже за деньги. Реши сейчас Гусев расплатиться и забрать фильмы, он бы здорово упал в глазах ведомого.

Но Гусев платить не стал. Вместо этого он упер руки в бока, раздвинув полы куртки так, что видны стали кобура на поясе и значок на груди.

У продавца отвалилась челюсть.

— Леша, дверку прикрой, — сказал Гусев ласково.

Валюшок метнулся к двери, набросил стопор и перевернул табличку с надписью «открыто/закрыто». Ему было уже не стыдно за Гусева, хотя он совершенно не понимал, что ведущий затевает.

— Значит, так, молодые люди, — произнес Гусев еще более ласково. — У вас в магазине стоит какое-то чмо, матерится, как извозчик, наглет и чего-то требует. Заказывал он порнуху, верно? На это мне наплевать, порнография у нас запрещена, но вещь на самом деле полезная, так что фиг с ней. А вот остальное...

Продавец стоял с каменным лицом и часто-часто моргал. Кассирша съежилась; наверное, она хотела спрятаться под свой аппарат, но размер бюста не позволял.

— Мои знакомые азеры таких, как этот торгаш, считают позором своей нации, и я их понимаю, — Гусев не повысил голоса, напротив, заговорил еще тише, и в интонациях его прорезалась тоска. — Но вот из-за таких, как ты, — Гусев ткнул пальцем, отчего продавец тоже съежился, — всякие уроды чувствуют себя в нашем городе как дома. Покупатель всегда прав, но тут был не покупатель, а распоясавшийся хам. Поэтому слушай приказ. Если в следующий раз этот урод сюда явится, гони его в шею. Если погнать кишка тонка, хотя бы не заискивай перед ним, веди себя достойно. А чтобы у тебя, сынок, не отшибло память...

— Он с хозяином знаком... — выдавил продавец.

— Значит, и хозяину твоему внушение не повредит. Вы меня поняли, детишки? Или что-то ускользнуло? Вы думали, наверное, что раз есть выбраковка, значит, уже не нужно быть гражданами — злые кровожадные дяди все сделают за вас? Уничтожат всех уродов, и начнется золотой век? Фигушки! Каждый должен заплатить за покой и безопасность, понимаете, каждый! Мало перестать мусорить на улице, нужно еще и человеческий мусор кидать туда, где ему место. А хозяин будет спрашивать, что здесь произошло, — объясните. Так и скажите — выбраковщик заходил. Старший уполномоченный Центрального отделения АСБ Павел Гусев. Очень злой выбраковщик, и очень расстроенный тем, что вы потакаете хамью. А это вам, дорогие мои москвичи, в назидание и на долгую память.

Гусев шевельнулся, и Валюшок обомлел. В руке старшего появилось оружие. Но совсем не пневматический игольник, а очень красивая огнестрельная пушка, в которой даже полный чайник опознал бы по характерному дизайну итальянскую «беретту».

Продавец и кассирша, хором взыв не хуже Кинчева, метнулись в угол и затихли там. А Гусев аккуратно подровнял стопку кассет, лежащую на стеклянном прилавке, упер в нее ствол, поставив оружие вертикально, и нажал на спуск.

ВЫБРАКОВКА

Пистолет глухо жажнул, кассеты с хрустом осели, внутри прилавка что-то разлетелось в клочья... и, как в замедленной съемке, пошло трещинами и начало рушиться фронтальное стекло. Верхнее стекло, долю секунды подумав, тоже растрескалось и обвалилось вниз.

— Стекло дрянное, — объяснил Гусев в наступившей тишине. Он попрыгал, чтобы отряхнуть с себя осколки, и убрал пистолет за пазуху.

— Я думал, красиво получится. Но так даже еще поучительнее. Счастливо, молодые люди. Подумайте о том, что я сказал. Выбракровка много всякой сволочи поставила на место, но на нашем горбу вы в рай не въедете. Извольте потрудиться хоть чуть-чуть. И большой привет хозяину!

На улице Гусев достал сигареты. Вид у него был вполне довольный. Валюшок протянул ему зажигалку.

— Спасибо, — отмахнулся Гусев. — Ветер. Я лучше сам. Вот так мы иногда читаем нотации, агент Валюшок.

«Круто читаете, — подумал Валюшок. — Ничего не скажешь, круто».

Но внутри себя он не чувствовал особого протеста. Ему, кажется, стало понятно, чего выбраковщик Гусев хочет добиться от людей. Возможно, Гусев переигрывал. Но сказать, что его позиция в корне неверна или как-то расходится с общепринятой моралью, Валюшок не смог бы.

Скорее наоборот: Гусев требовал слишком многого.

«Интересно, — мелькнуло у Валюшка в голове, — а сам-то ты, Гусев, давно таким замечательным стал? И почему, каким образом?»

Впрочем, ответ на этот вопрос он рассчитывал вскоре найти.

* * *

На подходе к Дому книги сворачивались аварийки Мосводоканала: усталый народ в касках тянул какие-то шланги и с грохотом закрывал канализационные люки. Вокруг, жужжа, сновал целый табун «полотеров». Один из уборочных комбайнов чуть было не переехал слегка зазевавшегося Валюшка.

— Эй! Полегче, ты, Шумахер! — рявкнул тот, отскакивая в сторону.

— Закрой помойку, — хмуро посоветовали ему. — Для тебя же стараемся, тормоз.

— Слушай, а действительно, чего они суровые такие? — спросил Валюшок Гусева, опасливо поглядывая на армию мусорщиков, полирующих тротуар.

— Нормальная реакция. Мы гадим, они убирают. За что им нас любить?

Возле палатки, где торговали хот-догами, закусывала целая компания — трое выбраковщиков из группы Мышкина и громадная рыжая дворняга.

— Комплекс вины? — осведомился Гусев у старшего тройки, кивая на собаку.

— Да иди ты... — огрызнулся ведущий. — Пришла, села, попросила — угостили. Не хватало еще перед собаками грехи замаливать. Проще тогда зарезаться. Сегодня угостил, завтра пристрелил — это что, по-твоему, комплекс вины? Хотя да... Нас уже месяц на собак не посылали. Да я их вообще терпеть не могу... Слушай, Гусев, ну тебя в баню! Надоел со своими подковырками.

Ведущий бросил собаке огрызок хот-дога и с тоской посмотрел, как жадно та ест: аж за ушами трещит.

— А я так уже не могу, — пожаловался он. — Никакого аппетита. Жую, потому что надо. Пью, когда наливают. Трахаюсь чисто из принципа. Гусев, ты же умный, скажи — когда все это кончится?

— А ты застрелись, — посоветовал Гусев.

Ведущий пренебрежительно фыркнул.

— Сто раз пробовал. Взвожу курок, гляжу в дуло и понимаю — ничего меня не удерживает. Могу нажать, понимаешь? Запросто. И такая скука разбирает... А потом вспоминаю: мне же на работу завтра. Вдруг случится что-нибудь забавное? Так и живу.

— А ты из игольника — в ногу. Поваляешься часок под наркозом, сразу жизнь медом покажется.

— Больно же! — вытаращился в ответ ведущий.

ВЫБРАКОВКА

Валюшок у Гусева за спиной выразительно шмыгнул носом.

— Вот я и говорю — тут же проснется интерес к жизни, — сказал Гусев.

— Ты маньяк, — заключил ведущий. — Эй, деятели! Вы доели? Пошли на маршрут.

— Можно еще по мусорщикам пострелять, — не унимался Гусев. — От души. Немотивированно. Гляди, сколько их тут. Достоешь огнестрел — и давай колошматить. Сразу тонус повысится, гарантирую.

Ведущий зевнул, поманил своих подчиненных и, никак не комментируя добрый совет, ушел. Один из ведомых украдкой показал Гусеву большой палец. Видимо, начальник здорово достал его своими излияниями.

Гусев взял два хот-дога и воды, одну порцию отдал Валюшку и принялся жевать. У него с аппетитом, кажется, было все в порядке. Собака подвинулась ближе.

— И много в Агентстве таких? — спросил Валюшок, кивая в сторону удаляющейся тройки.

— Вагон, — промычал Гусев, жуя. — Но этот — явный кандидат на выбраковку.

— То есть?

— Ротация кадров. Самоочистка. Однажды ты собираешься на работу, а к тебе в дверь стучатся твои собственные ведомые. И говорят: «Извини, старик. Ты имеешь право оказать сопротивление. Имеешь право не называть себя. Не отвечать на вопросы...» Ну и так далее.

Валюшок покачал головой и бросил собаке отгрызок хлеба. Гусев свой хот-дог доел без остатка.

— А с тобой так случалось? — поинтересовался Валюшок.

— Нет, ко мне еще не приходили.

— Это видно. Нет, я...

— Что видно? — неожиданно зло отгрызнулся Гусев.

— Все, извини.

— Леша, — Гусев резко сбавил тон. — Сегодня у тебя первый выход на работу. Потерпи немножко, хотя бы месяц. Уверю —

тебе все станет ясно. У выбраковки есть побочные эффекты, которые словами не опишешь, их нужно прочувствовать.

— Извини, — повторил Валюшок. — Просто очень много вопросов. Нам на подготовительном ничего не говорили о порядках внутри Агентства. Интересно, почему?

— Вот и еще один вопрос. Не знаю, Леш. Я понятия не имею, как сейчас организована подготовка. Кстати, сколько вас было?

— Человек двести.

— Ско-олько? — не поверил Гусев.

— На моем потоке две сотни.

— На потоке... Ого!

— Да, было три потока. Это много?

Гусев крепко взял напарника за отворот куртки.

— Никому. Больше. Здесь. Об этом. Не говори, — выдохнул он. — Понял?!

— Ага. Почему?

— Жить хочешь? Долго и счастливо? — спросил Гусев. — Хотя нет, счастливо уже не получится. Но хотя бы долго?

— Ничего не понимаю, — медленно произнес Валюшок.

— Вот и отлично. Никому здесь, в Центральном, не говори, сколько вас было. Кстати, а остальные куда подевались?

— Да черт их знает. Меня сразу после выпуска в Центральное направили, и я...

— Ладно, подождем, — Гусев отпустил ведомого и достал сигареты. — Скоро все прояснится. Как раз за месячишко. И ты подрастешь за это время, и я уже буду готов что-то тебе объяснить. Договорились?

— Хорошо, — Валюшок тоже закурил. — Еще вопрос можно? Не беспокойся, он по другой теме.

У Гусева под курткой запищал трансивер. Он жестом попросил Валюшка обождать, достал маленькую черную коробочку и нажал кнопку. Держал он рацию возле самого уха, как мобильный телефон.

— Гусев, прием.

— Диспетчер. Вы где?

ВЫБРАКОВКА

— У Дома книги, ближний к Центру угол.

— Ждите.

Гусев скорчил рожу.

— Сейчас припашут, — шепотом сообщил он Валюшку.

Диспетчер не заставил себя долго ждать.

— Вызов на Поварскую...

— Мы пешком.

— Я в курсе. Вам идти пять минут. Фургон выехал. Приготовьтесь, возможно противодействие службы безопасности...

— Та-ак, это то большое офисное здание, да?

— Нет, другое...

Гусев швырнул недопитую банку воды в урну и, махнув Валюшку, сорвался с места. Быстрым шагом они углубились во дворы. Гусев на ходу слушал, что ему говорит диспетчер, и постепенно лицо его приобретало брезгливое и утомленное выражение.

— Все, понял, ждите доклада, — сказал он наконец, убрав трансивер на пояс и вытащил очередную сигарету.

— Трудный случай? — спросил Валюшок, заранее напрягаясь и расправляя плечи, и без того широкие.

— Да нет, — Гусев закурил и прибавил ходу. — Случай несложный, но противный. Идем обезглавливать независимый пенсионный фонд. У президента уже два предупреждения за насильственные действия. А теперь он секретарше морду разбил при попытке изнасилования. Прямо маньяк какой-то. Ничего, в каменоломнях ему будет, куда руки приложить.

— Да уж...

— Не перебивай. Теперь слушай, какие наши дела. Хреновые они. Надо изъять клиента из офиса немедленно и втихую. Никакие документы еще не готовы, милицейского прикрытия нет. Есть только устное заявление потерпевшей. Она сейчас в офисе, уйти сама не может, а ей было сказано, что если пикнет, вообще убьют. Она напугана, я ее понимаю. А главное — этот тип неуправляем, и с минуты на минуту ситуация может обостриться. Так что наша задача пройти в офис, на месте разобраться и дей-

ствовать. Главное — девочку защитить. Неплохо для первого дня, а, суперагент Валюшок?

Суперагент Валюшок в ответ что-то промычал и напрягся еще больше.

— Можно, конечно, прямо на входе назвать себя, — заметил Гусев. — Но тогда даю сто процентов, что пока мы будем подниматься, охрана предупредит шефа: идет АСБ. Были уже прецеденты... Если этот козел девочку в окно выбросит, чтобы лишнего не болтала, нас с тобой по головке не погладят.

— Ты серьезно? — не поверил Валюшок. — Так вот прямо возьмет, и в окно?..

— Разумеется. Такое случалось уже сто раз. Они же все психопаты, эти насильники, им как в голову вступит, не соображают ни хрена. Его, конечно, допросят, и на каторгу он загремит, но девочке — конец. А оставлять тебя одного стеречь охрану я не имею права. Вот такая, блин, засада. Понял теперь, почему выбраковка ходит минимум по трое?

Валюшок утвердительно хмыкнул.

— В крайнем случае всех поубиваем, — утешил его Гусев.

На Поварской выбраковщиков обогнала машина «Скорой помощи», проскочила вперед метров на сто и ловко причалила к тротуару.

— А вот и наша труповозка, — показал на «Скорую» Гусев. — Как часы работает. Значит, так, агент Валюшок. В здании действовать строго по схеме номер два. А именно?..

— Свою принадлежность к АСБ не обнаруживать, поперед бабки не лезть, держать тебе спину, — отрапортовал Валюшок.

— Всячески оберегать ведущего, для чего активно вертеть головой и тарашить глаза, — заключил Гусев с усмешкой. — Так, снимаем значки, прячем в карман. И застегнись. Нет, постой. Нука, кру-гом!

Гусев придирчиво оглядел Валюшка: не выпирает ли из-под куртки оружие. Похлопал себя по бокам. Нет, здесь понадобится чертовски опытный взгляд. Как хорошо, что «комбидрес» слегка гнется и не сковывает движений... И вдвойне хорошо, что

ВЫБРАКОВКА

Валюшка, как стажера, еще не успели навьючить тяжелой сбреуй, положенной ведомому, — сверхплоский ноутбук, мобильный ретранслятор, сканер отпечатков и прочая техника.

«Кажется, пробьемся».

— Вперед! — скомандовал Гусев. — И... Погоди. Честное слово, Леш, это все какая-то нелепая случайность. Слишком круто для твоего первого дня!

Глава восьмая

Суд в его времена был простым и скорым: бродягу или вора, независимо от того, что он украл, ждал костер или плаха. Та же участь была уготована всем цыганам, как заведомым конокрадам и вообще людям праздным и ненадежным.

«Скорая» пристроилась за грузовиком, и в поле зрения охранной системы офиса не попадала. Гусев и водитель «труповозки» обменялись издали многозначительными взглядами. Валюшок своему ведущему от души позавидовал. Выбраковщики отличали друг друга на улице, пользуясь несложным комплексом условных знаков. Но Гусеву такие методы были ни к чему: его, похоже, все знали в лицо. «Интересно, а бандитам он тоже всем известен? — подумал Валюшок. — Вряд ли. Те, кто его видел, недолго оставались на свободе, а на каторге гусевский словесный портрет без надобности, все равно оттуда не возвращаются... Удивительно — сколько ни пытался, не могу представить себя на каторге. Мне туда просто не попасть. И это, черт побери, здорово. Неужели я такой хороший человек? Получается, хороший. А Гусев? А те выбраковщики, которым он сам зачитывал «птичку»? Наверное, они тоже сначала были славные парни, но работа их сломала. Ничего, я не ломаюсь. Я для этого слишком точно знаю, что такое хорошо, а что такое плохо».

У двери офиса Гусев на секунду замялся, что-то то ли соображая, то ли вспоминая, а затем решительно нажал кнопку звонка.

- Да! — отозвался динамик, встроенный в стену.
- К господину Юрину посетители, — сообщил Гусев.
- Вам назначено?
- Разумеется! — бросил Гусев.

Дверь щелкнула замком, и они вошли.

Охраны на проходной оказалось немного — трое, но каждый по отдельности мог бы скрутить обоих выбраковщиков в бараний рог. Особенно Гусеву не понравился самый пожилой из секьюрити, явно начальник смены. В нем чувствовался опытный боец, возможно бывший оперативник, привыкший брать врага хитростью и реакцией. «Ох, расколет он нас, — мелькнуло в голове. — Не вижу металлодетектора, но все равно мы рискуем. Может, все-таки представиться?»

Размещался пост бестолково, иначе не позволял тесный вестибюль. Здесь было узко. Стойку с компьютером и мониторами слежения развернули единственно возможным образом. Скученность охраны давала Гусеву преимущество при внезапной атаке, но сильного облегчения от этой мысли он не испытал. Гусев терпеть не мог честный бой на равных. Пояса охранников украшали массивные газовые револьверы, но под стойкой, за которой сидел их старший, наверняка пряталось нечто крупнокалиберное. «И, может быть, даже с патроном в стволе. А чего я так нервничаю? Давно не работал, вот отчего».

— К господину Юрину, — повторил Гусев. — Фамилии — Купченко и Бунин.

— Документы, пожалуйста.

Выбраковщики достали удостоверения личности. Гусев по документам выходил неким Купченко, вице-президентом по общим вопросам торговой компании с названием блеклым и незапоминающимся. Валюшку по молодости лет досталась расплывчатая характеристика «менеджер по маркетингу».

Начальник охраны бросил взгляд на монитор компьютера, согласно кивнул и отдал гостям их карточки.

- Пятый этаж. Лифт вон там, по коридору.
- Спасибо.

ВЫБРАКОВКА

Коридор оказался длиннющий, метров тридцать. Чувствуя спиной неприятный оценивающий взгляд, Гусев пошел, куда сказали. Позади гулко топал Валюшок.

— Кто приглашение устроил? — негромко спросил он в лифте.

— Потерпевшая. Обычно так и бывает. Люди помогают нам весьма охотно. Только вот их мотивы... — Гусев скривил лицо и чуть не сплюнул под ноги, но передумал.

— Этот Юрин сам нарвался.

— Ну, она тоже штучка. Дала бы ему по яйцам, а потом в хрюсло — и все дела. Не исключено, что он бы ее резко зауважал.

— Есть очень много людей, не способных дать сдачи. И, помимо, это естественно, — заметил Валюшок.

— Спасибо, просветил. А то я не знаю? Сам такой.

Валюшок склонил голову на плечо и смерил Гусева взглядом, полным сомнения.

— Для таких и работаем, — заключил Гусев, выходя из лифта. — Только вот обида — день ото дня бедные овечки становятся все подлее... Так. А куда это нас занесло?

Лифтовый холл открывался в небольшой зальчик с кучей дверей. В центре красовалась мощная конструкция — рабочее место как минимум трех секретарш. Из-за стойки виднелась аккуратная женская прическа. Сухо потрескивали клавиши.

— Привет, — сказал Гусев, перегибаясь через стойку.

— Здравствуйте, — ответила молоденькая девушка, отрывая глаза от клавиатуры. Взгляд у нее был напряженный, и где-то в глубине его прятался испуг. — Чем могу?...

«А господин Юрин охоч до свежатинки, — усмехнулся про себя Гусев. — И жаден, судя по всему. Печатать девица толком не умеет, едва школу окончила, согласна на любой оклад... А на что еще ты согласна, бедная девочка? И сколько вас таких по всему миру, несмышленных и остро нуждающихся в защите? Что с вами будет, когда меня пристрелят?»

— Вы к кому? — спросила девушка, возвращая Гусева к реальности.

— Господин Юрин у себя?

— Вам назначено?

Гусев достал из кармана значок, коротко сверкнул им и прицепил на место — за лацкан. Испуг из глаз девушки переместился на все лицо.

— Знаешь, почему мы здесь? — спросил Гусев мягким полупшепотом. — Вижу, что да.

Девушка еле заметно кивнула.

— Президент у себя. Один, — прошептала она, указывая глазами направление. Гусев оглянулся на дверь, за которой сидел господин Юрин, не подозревая еще, наверное, что его ждет.

— А Марина где?

— Вон там, в комнате отдыха...

— Спасибо. Господин Бунин, по стойте здесь, развлеките барышню, заодно последите, чтобы клиент никуда не делся. Мне понадобится минуты три-четыре.

— Слушаюсь, господин Купченко, — отбил подачу Валюшок.

Пострадавшая сидела с ногами на диване, прижимала к щеке пакет со льдом и роняла тихие слезы в чашку кофе. Даже сейчас, в растрепанном виде и, похоже, не менее растрепанных чувствах, выглядела она стопроцентной шлюшкой. Из тех, которых положено без лишних прелюдий хватать и валить в койку, а за неимением постели — раскладывать на офисной мебели. Крайне неудачная конституция: мощный сексуальный призыв в сочетании с дешевой внешностью. «Не повезло тебе, Марина».

— Сексопатолога вызывали? — осведомился Гусев, присаживаясь напротив и демонстрируя значок. — Все, милая, успокойся, с этого момента ты под защитой АСБ. Ну-ка, щечку покажи.

Марина подарила Гусеву злобный, хотя и несколько одноглазый взгляд, и на секунду отняла лед от щеки. Гусев цыкнул зубом: удар обернулся не только синяком и отеком, Юрин капитально рассек девушке скулу. Если бы не благоприобретенная (или врожденная) стервозность, Марина давно уже сидела бы в травмопункте. Но ей хотелось отомстить, и Гусев ее понимал.

— Спасибо, что сделала пропуск, — сказал он. — И спасибо, что дождалась. Хорошо, что я это увидел воочию. Легче будет про-

ВЫБРАКОВКА

стрелить твоему шефу башку. Считаю, ты ему подписала смертный приговор.

Это Гусев врал. Если Юрин не будет особо артачиться при задержании, он еще поживет. Но Гусева интересовала реакция девушки.

— Он тут вытворяет такое... — Марина всхлипнула. — Его убить мало. Вы других наших девочек расспросите... Они просто боятся.

— Расспросим обязательно. Значит, так... Внизу стоит машина «Скорой помощи». Это наша. Уедешь на ней. Тебя сразу зашьют, потом сделают пластику, мордашка будет лучше прежней. Не беспокойся, все операции за счет АСБ. Плюс тебе капнет неплохая сумма за моральный и физический ущерб. Теперь слушай меня очень внимательно. Я старший уполномоченный Центрального отделения Агентства Социальной Безопасности Павел Гусев. Ты обвиняешь президента фонда господина Юрина в сексуальных домогательствах и физическом насилии. Сейчас у тебя есть возможность отказаться от этого обвинения. Подумай и скажи — обвиняешь ты его или нет.

— А что ему будет? — спросила Марина. Видимо, гусевский намек на прострел башки ее не убедил.

— Юрин — закоренелый враг общества. Его уже дважды предупреждали о неподобающем поведении. Не знала? Юрин любит избивать людей, выбирая тех, кто послабее. Так что будет ему выбракровка. Он исчезнет. Навсегда.

— Вы его убьете? — с надеждой спросила Марина.

— Честно? Вряд ли. Сначала ему придется заплатить болью за боль. Искупить свою вину на каторжных работах. И в один прекрасный день он там умрет. Кстати, бежать с каторги нереально. Я видел, я знаю. Итак, ты обвиняешь его? Подумай и ответь.

— Да! — выдохнула Марина. — Я обвиняю его.

— Договорились. Тогда сиди здесь, — приказал Гусев, вставая. — Минут через пять твоя напарница постучит в дверь. После этого выходи из офиса и садись в «Скорую». Понятно? Ну-ка, повтори.

— Когда Ленка постучит... Он ведь и ее чуть не изнасиловал, скотина-а!..

— Что ты сделаешь, когда Лена постучит?

— Выйду на улицу, сяду в «Скорую»... У-у-у...

— Умница, — похвалил Гусев и вышел за дверь.

Валюшок о чем-то вполголоса беседовал с Леной.

— Ну и обстановочка тут, — сообщил он Гусеву. — Прямо хоть через одного расстреливай.

— Дознаватель разберется, — отмахнулся Гусев. — Все тихо?

— К Юрину зашел какой-то тип, я не стал его задерживать.

— Черт! — напрягся Гусев. — Он на тебя не отреагировал?

— Леночка выручила.

— Я сказала, что это курьер, — улыбнулась Лена. — А у президента сейчас первый вице-президент. Он на минуту, ему уезжать.

Легок на помине, из кабинета вышел дорого одетый мужчина. На выбраковщиков он даже не посмотрел, с головой углубившись в какие-то бумаги, и скрылся за углом.

Гусев оттер Валюшка плечом и заглянул Лене в глаза.

— Ты чудо, — сказал он. — Медаль не обещаю, но признательность гарантирую. Теперь блокируй связь, пожалуйста. Не хочу, чтобы нас беспокоили. Если сунется в кабинет мелкая сошка — у Юрина важные гости. Если кто-то из менеджеров высшего звена — черт с ними, пускай. Может, с собой прихватим. Ты же понимаешь, у нас план. На этой неделе приказано расстрелять десять президентов и двадцать вице. А также спасти не меньше сотни заколдованных принцесс, вот, вроде тебя.

Польщенная Лена залилась краской.

— Не такие уж вы и страшные, господа секретные агенты, — пробормотала девушка, отводя взгляд.

— Приятно слышать, — улыбнулся Гусев. — Когда мы с Юриным войдем в лифт, постучи в дверь, за которой сидит Марина, пусть тоже спускается. Ага? Заранее благодарен. Леха, за мной.

В кабинет они вошли без стука. Клиент играл на компьютере. Он оказался раскормленным дядькой лет пятидесяти с короткой

стрижкой и маленькими глазками. «Ох, порезвятся тут наши дознаватели, — подумал Гусев. — Ставлю десять против одного, что этот президент на самом деле зицпредседатель, пустое место. От скуки лапает секретарш, чтобы хоть как-то время с толком провести. Вопрос: зачем он тут нужен такой? Однако кранты пенсионному фонду».

— Ну? — буркнул увлеченный игрой президент, не отрываясь от монитора.

— Господин Юрин? — сладким голосом осведомился Гусев.

Юрин соблаговолил поднять глаза на выбраковщиков.

— Да, а в чем дело? — спросил он лениво. — Проходите, садитесь.

— Благодарю вас. Я старший уполномоченный Центрального отделения Агентства Социальной Безопасности Павел Гусев...

Юрин перестал шевелить «мышкой» и уставился на гостей уже более осмысленным взглядом.

— Это уполномоченный Алексей Валюшок, — продолжал Гусев. — Господин Юрин, вы обвиняетесь в сексуальных домогательствах и физическом насилии, повлекшем за собой...

— Су-у-ка!!! — взревел Юрин и так дал кулаком по клавиатуре, что она чуть не разломилась, а компьютер протестующе заверещал. Гусев привычным движением откинул полу куртки. Глаза Юрина уткнулись в рукоятку игольника и застыли. Он медленно поднимался из-за стола, и Гусев подумал, что дело плохо. В ярости этот тип не контролировал себя.

— Вы имеете право оказать сопротивление! — голос Гусева предупреждающе зазвенел. — Имеете право не называть себя! Имеете право не отвечать на вопросы! Согласно Кодексу законов о социальной безопасности вы поступаете в наше распоряжение. В случае неповиновения вы будете обездвижены или убиты. Предупреждаю — любое ваше движение может быть истолковано как агрессия. Приказываю оставаться на месте. Руки на стол!

Юрин с видимым трудом овладел собой и замер. Глаза его оторвались наконец от рукоятки игольника и переместились на гусевский значок.

— Обыскать, — распорядился Гусев.

Валушок не спеша, чтобы не испугать клиента, приблизился к Юрину и довольно ловко его ощупал.

— Чист.

— Понял. Юрин, вы меня слышите? Вы признаете себя виновным?

— Нет... — выдавил Юрин. — Нет! Да нет же!

— Хорошо. Юрин, сейчас мы с вами выходим из офиса на улицу. Выходим не спеша, без резких движений. Хотите жить — подчиняйтесь. Малейшая провокация — стреляю. Вы идете первым, мы за вами. Ясно?

— Ребята... — умоляюще протянул Юрин. — Да она же сука... Блядь поганая... Она меня шантажировала...

— Этим займется следствие, — пообещал Гусев. — Гарантирую — если вас подставили, все будет хорошо. Вы получите компенсацию за моральный ущерб. Возможно, с вас даже снимут одно предупреждение. Лица, виновные в оговоре, будут жестоко наказаны. А пока — делайте, что я говорю. Мы уезжаем.

Юрин едва заметно кивнул. Похоже было, что он мучительно рассуждает: кинуться на обидчиков с кулаками или заплакать.

— Выполнять, — сказал Гусев. — Двигайтесь, Юрин. Выходим.

Любой нормальный человек на месте Гусева посоветовал бы Юрину не искать защиты у охранников: мало ли, что задержанному в голову взбредет, лучше уж предупредить. Но Гусев осознанно промолчал. Он недаром сказал «лица, виновные в оговоре», употребил множественное число. Если Юрин виноват, то намек, что обвинила его не только одна «блядь поганая», должен окончательно вывести клиента из равновесия. Нечего лишний раз подсказывать ему, что можно натравить охрану на выбраковщиков, а самому под шумок удариться в бег. И так догадается. Гусев поймал себя на том, что хочет стычки. Теперь, увидев изуродованную девчонку, — хочет. Он вернулся на работу, он вошел, кажется, во вкус.

«Стрелять в нехороших парней — неужели я всю жизнь к этому стремился? Разве я больше ни на что не годен? Да, но кто тог-

да будет стрелять, если я такой возвышенно-брезгливый? Другой, кого я не смогу контролировать. А вдруг однажды этот другой постучится в мою дверь? Если ты взял на себя право решать, кто хороший, а кто плохой, — будь готов, что тебя могут забраковать тоже. А значит, нужно становиться выбраковщиком самому. И это самый разумный выбор».

Юрин вышел из кабинета тяжелым волочащимся шагом приговоренного и сразу направился к лифту. Гусев махнул на прощание Лене, а сам мысленно отрепетировал, как рвет из кобуры игольник. Стычки в вестибюле было уже не избежать. Разумеется, ведь Гусев забыл очень важный момент: не выяснил, предупреждают ли охрану, что выходит президент. Ему ведь должны подогнать машину! «Непростительная ошибка, но уже поздно сворачивать назад. Я не хочу, чтобы этот урод поедал злобным взглядом убийцы Лену, которая будет звонить вниз и отдавать фальшивые распоряжения. Ей потом с этим взглядом жить и жить. Я слишком хорошо знаю, как это бывает: на тебя один раз посмотрели, а ты через пять лет просыпаешься в холодном поту. Ничего, справимся. Хорошо, что наручники клиенту не надели — уж больно поза скованная была бы... Или застегнуть его? А чего я так нервничаю, собственно? На проходной охранникам покажу значок — и никаких проблем».

И снова Гусев поймал себя на том, что хочет драки, хочет кого-нибудь подстрелить. «Окончательно с ума схожу, что ли?»

В лифте они спустились под шумное сопение Юрина.

Охрана заметила босса издали, от самого лифта, и отреагировала на его появление вставанием с мест и напряжением тел. Юрин пока вел себя разумно, надвигаясь на пост по центру коридора. Гусев и Валюшок шли следом, держась уступом, Гусев впереди и левее. Частично Юрин его закрывал, а самое защищенное место досталось Валюшку. Выбраковщики часто занимают безрасчетные на первый взгляд позиции, заслоняя друг друга. При этом ухудшается обзор, сектора обстрела значительно сужены. Но, во-первых, такое построение сплошь и рядом сбивает противника с толку, он принимает тебя за идиота — а зря. Во-вторых, у людей

из АСБ все просчитано заранее, они будут стрелять, а не отстреливаться. А в-третьих, если случится нештатная ситуация, кто-то обязательно должен остаться жив и завершить огневой контакт в пользу Агентства.

Сейчас все было бы ничего, вот только старый опытный боец держал в руке то, чего Гусев так опасался, — карабин «Сайга». Держал пока стволом вниз. Старый и опытный почуял неладное, но боялся перебдеть и огрести нахлобучку. Похоже, охране здесь платили неплохо, и начальник поста держался за свое место.

«Переломает мне все ребра, — подумал Гусев. — А то и проникающих наделает. Фигушки, ребята, я вам не мишень. Самое время обогнать Юрина и предъявить нагрудный знак».

Он прибавил шаг, но опоздал. Когда до поста оставалось метров десять, у Юрина сдали нервы.

С воплем: «Мочи их!!!» — клиент бросился в подвернувшуюся справа приоткрытую дверь.

Точнее, попытался это сделать.

Приблизительно на букве «и», когда юринская туша полностью закрыла от охранников Валюшка, Гусев уже вырвал из кобуры игольник и нажал на спуск. При этом он прыгнул влево, отчаянным маневром оттягивая внимание противника от ведомого.

Пистолет затрещал, и с полдюжины игл украсило темную форму начальника поста желтыми точечками стабилизаторов. Начальник успел развернуться к Гусеву и выбросить в сторону опасности руку с карабином. Грянул выстрел, пуля ушла в потолок.

Оставшиеся двое охранников почти достали свои револьверы, но Гусев успел срезать обоих длинной очередью. Машинально, не думая, он нажал кнопку выброса магазина и стремительным движением перезарядил оружие.

Юрин наконец-то завершил падение и с грохотом рухнул на четвереньки в дверном проеме.

Охрана сползала по стенам на пол.

Валюшок, не успевший сделать ни единого выстрела, шумно выдохнул, убрал пистолет в кобуру и от души пнул Юрина под

ВЫБРАКОВКА

копчик. Получив ускорение, тот исчез за дверью, где мгновенно вскочил. Дверь захлопнулась, щелкнул замок.

— По-мо-ги-и-те! — раздалось из-за двери. — У-би-ва-а-ют!!!

— Что же ты его упустил? — спросил Гусев укоризненно. Он спрятал игольник, нагнулся и подобрал опустевший магазин.

Валюшок помотал головой и развел руками.

— Обалдел, — сказал он. — Виноват.

— На по-о-мощь!!! — надрывался Юрин. — Ка-ра-ул!!!

Гусев подергал дверную ручку и убедился, что перед ним возникла преграда.

— Эй, задержанный! — прогремел он так, что перекрыл крики Юрина.

— Две секунды на открытие двери!

Юрин в ответ длинно выматерился.

— Беги, зови наших из труповозки, — сказал Гусев Валюшку. — Обязательно с носилками.

Валюшок перепрыгнул через тела поверженных охранников и выскочил на улицу. Гусев почесал в затылке и вытащил сразу оба пистолета.

— Все, ты меня достал! — сообщил он в сторону двери. — Сейчас будет экзекуция. Сам напросился. Ох, я тебя...

Дальше развивать тему он не стал, а просто трижды выстрелил из «беретты» в область замка. Дверь разворотило так, что даже пинать ее не пришлось — отлетела сама. Гусев шагнул в комнату, оказавшуюся маленьким складом, набитым какой-то бумажной продукцией, наткнулся на остолбеневшего Юрина и смачно врезал ему рукояткой «беретты» промеж глаз. Юрин охнул и с размаху сел на задницу. Гусев дал клиенту секунду-другую посидеть, чтобы прочувствовал, как душевно ему вломили, а затем почти не целясь пустил Юрину иголку в ногу. Виновник безобразия тихонько всхлипнул и упал навзничь.

— Вот так-то, — сказал Гусев. Он снял пистолеты с боевого звода, убрал их на место, закурил и с наслаждением затянулся.

В дверь ворвался экипаж «труповозки» — трое мордovorотов, изображающих бригаду «Скорой помощи». За их спинами маячил Валюшок.

С другой стороны коридора пошел лифт. Наверное, спускалась Марина. Любому другому на ее месте Гусев не позавидовал бы, но эта девчонка и так за сегодня насмотрелась на всякое. Вряд ли ее особенно расстроит творящийся у выхода бардак.

— Где клиент? — спросили у Гусева деловито и требовательно.

— Вон, — махнул рукой Гусев, отходя к посту, садясь на место начальника и закидывая ногу на ногу. — И потерпевшая сейчас подойдет.

— Пусть тогда поторопится.

— Леша, будь другом, сбегай, приведи ее. А-а, вот и она.

Гусев достал рацию и вызвал Центральное.

— Это Гусев, — сказал он. — Клиент пытался бежать, обездвижен, сейчас грузим...

— Не «грузим», а «грузят», — поправили его «медики». Двое из них, отдуваясь, проталкивали носилки с Юриным через узкую проходную, а третий, с фонендоскопом на шее, руководил.

— ...служба безопасности была спровоцирована клиентом и оказала сопротивление. Есть три незапланированных обездвижки. Немедленно сюда группу поддержки, милицейское прикрытие и обязательно нашего дознавателя, чем скорее, тем лучше. Похоже, здесь полно работы для него. Я остаюсь на месте, буду встречать. Только поскорее, ладно? Все, жду.

У проходной остановилась потерпевшая, щеку она теперь зажимала платком.

— Круто, — сказала Марина, оглядев лежащие на полу тела.

— Ну-ка, девушка, что это у нас такое? — подскочил к ней «врач». — Та-ак, посмотрим... Ничего страшного. Пойдемте, пойдемте...

— Счастливо, — бросил Марине Гусев.

— Пока, — вздохнула она. — Спасибо.

ВЫБРАКОВКА

Валюшок подошел к бездыханному телу начальника поста, нагнулся и осторожно защелкнул предохранитель карабина, лежащего рядом на полу.

— Лихо ты их, — признал он. — Только в следующий раз меня не береги так, ладно?

— Тебя клиент перекрыл, — буркнул Гусев.

Валюшок поднял глаза на дырку в потолке и ничего больше не сказал.

Глава девятая

Смерть Влада вызвала среди современников оживленную дискуссию: куда направилась его душа — на небеса или напрямик в пекло? Сторонники обеих точек зрения приводили свои аргументы, но со временем возобладал третий вариант, который и лег в основу легенды.

«Группа поддержки» объявилась минут через пятнадцать: три тройки выбраковщиков во главе с дознавателем АСБ. Выглядел дознаватель как форменный душегуб — нечто среднее между ожившей смертью и Дракулой из дешевой кинострашилки. Приданный группе милицейский представитель что-то ему рассказывал, а монстр заразительно смеялся и хлопал в ладоши.

— Ты не слышал эту хохму, Пэ? — спросил дознаватель у Гусева, поднявшегося из кресла ему навстречу. — Парня спрашивают: чего это у тебя ухо в кровище? Да вот, говорит, пытался с собой покончить, ухо размочалил. Промазал, короче. Как же это: сам себе в голову стрелял и промазал? А ты попробуй, говорит, попади в таких условиях — я же на бегу стрелял...

Гусев одобритительно фыркнул.

— По-моему, я этот анекдот читал когда-то. Здравствуйте, товарищи.

— Ну ты и наколбасил тут! — заметил милицейский капитан, озирая поле боя.

— Завидно? — спросил Гусев, хитро прищурившись.

— Фу! Трое с газушниками, ты стрелял первым, разумеется...

— Туда посмотри, — Гусев ткнул пальцем вверх.

Милиционер поднял голову, увидел пулевое отверстие и впал в глубокое раздумье.

Под ногами принялись надрывно стонать: это первому охраннику вкатили антидот. Валюшка передернуло. Он уже испытал на себе, как бывает плохо, когда действие препарата обрывается искусственным путем.

— Отойдем, — посоветовал дознаватель, косясь на пострадавшего. — А то мало ли. Обувь потом не отчистишь, вонять будет неделю. Ну, Пэ, докладывай. Мы слушаем.

Гусев начал рассказ — очень сжато, но ничего не упуская. Валюшок отметил: первым делом его ведущий объяснил, что охрана не виновата, поскольку не знала, с кем имеет дело. Все-таки было в этом странном человеке нечто от средневекового рыцаря. Возможно, он понимал справедливость и порядок в несколько утрированном виде, но элементарной честности ему было не занимать.

Тем временем группа поддержки разделилась: двое выбраковщиков остались у двери, еще двое заблокировали лестницу наверх, пятеро набились в тесный лифт и уехали, как сказал один из них, «закрывать этажи». Дознаватель и милиционер делали пометки в блокнотах. Очухавшийся начальник охраны уполз под стойку, и там его жестоко рвало. Остальные двое лежали пластом и хрипло дышали. На бедняг вообще не обращали внимания — помочь им сейчас было нечем, а опасности они не представляли.

«Хорошо, что меня не тошнило, — подумал Валюшок. — Нет, Гусев, я тебя за ту выходку со стрельбой по мне не простил. Но, кажется, я догадываюсь, зачем это было. В первую очередь ты хотел, чтобы я не мучил попусту людей, посылая иголки направо и налево. Интересно, каждого новичка в АСБ встречают такой церемонией?»

На пульте звякнуло.

— Эй, молодой! — крикнули от двери. — Глянь, кого нелегкая принесла.

ВЫБРАКОВКА

Валюшок не рискнул зайти за пульт охраны: там было грязновато и лежало слабо шевелящееся тело. Он просто лег на стойку боком. Система здесь была стандартная, уроки в подготовительной группе не прошли даром — он мгновенно увидел нужные кнопки, а заодно разглядел и посетителя.

— Ничего особенного, — сказал он. — Мужик как мужик.

— А ствол... Ствол он в какой руке держит? — тревожно спросил один из выбраковщиков, суя руку за пазуху. Это было сыграно очень натурально, и Валюшку понадобилась целая секунда, чтобы понять: над ним смеются.

— У него на плече гранатомет, — парировал он и нажал на кнопку. — Да!

— Что, заснул? Открывай давай! — рявкнул динамик.

Дознаватель обернулся на голос с радушной улыбкой и сделал Валюшку знак: открывай. От двери махнули рукой. Валюшок послушно разблокировал замок. Визитер шагнул на порог, окинул помещение хозяйским взглядом и побледнел.

— Здравствуйте! — обрадовали его. — Здесь Агентство Социальной Безопасности. Предъявите удостоверение личности, будьте любезны.

— Я председатель собрания акционеров, — хмуро представился вошедший.

— Замечательно! — воскликнул дознаватель. — Где же вы были? Идите скорее к нам!

Вошедший перестал бледнеть и начал заливаться краской.

— Ну, мы пошли отчеты писать? — спросил дознавателя Гусев.

— Давай. Эй, юноша! С боевым крещением вас.

— Спасибо, — пробормотал Валюшок.

— Живи! — напутствовали его.

* * *

Они быстро дошли до офиса, причем Гусев всю дорогу молчал. Только на вопрос, разве не положено отчеты писать по окончании дежурства, он соблаговолил ответить загадочной фразой, после чего снова умолк.

— Следующий подвиг назначен на полночь. Чуток поработаем сверхурочно, если ты не против. А пока хватит. Мне нельзя помногу, у меня синдром детренированности, понял?

Валюшок кивнул и остаток пути размышлял, что именно у Гусева могло детренироваться.

В офисе Центрального они поднялись на второй этаж и прошли в «рабочую», которую Валюшок до этого видел лишь мельком — огромную комнату, заставленную личными столами командиров групп и ведущих. На столах громоздились кучи бумаг, стояли канцелярские наборы и всяческие финтифлюшки. Особенно Валюшка поразила чья-то здоровенная кружка с надписью «Этo я убил Леннона».

— Данилов выдрючивается, — бросил через плечо Гусев, когда пораженный Валюшок уставился на сие произведение искусства. — Данила всем направо и налево объясняет, что «Битлз» — розовые сопли, а вот хеви-метал — это да! Кстати, а твое мнение?

— Ну, в принципе, «Битлз» действительно не «Металлика», — пробормотал Валюшок. — Только не до такой же степени...

— Вот именно, что не до такой.

Гусевский стол оказался совершенно гол и покрыт толстым слоем пыли. Вокруг притулилось три стула, явно знавших лучшие времена.

— Кресла поперли, разумеется, — вздохнул Гусев. — Даже мое. Совсем обнаглели. Ладно, садись. Или, вот что, иди-ка за соседний. Хозяин в отпуске, не обидится.

Валюшок послушно сел, включил компьютер и вывел на монитор стандартную форму отчета.

— Что писать? — спросил он.

— Как было, так и пиши. Тебе легко.

— А тебе?

— Мне сейчас целый трактат рожать придется. О том, что в следующий раз я не намерен спасать потерпевших от несуществующей опасности. Либо пусть дают третьего, чтобы наши задницы прикрывал, либо на фиг такие выкрутасы. Я еще разберусь, какого черта на это задание послали двоих. Он же еще, за-

ВЫБРАКОВКА

раза, передо мной и извинялся! Мол, простите, я все понимаю, но больше никого рядом...

Гусев открыл ящик, порылся в нем, достал тряпку и принялся обтирать пыльную столешницу,

— Кто извинялся?

— Начальник смены, кто еще... Не диспетчер же, тому до лампочки.

— А кто сегодня начальник смены?

Гусев повернулся к Валюшку и внимательно его оглядел с ног до головы.

— Утихни, — посоветовал он. — Никто нас подставлять не собирался. А начальник смены — Корнеев.

— Я просто тоже хотел бы отметить...

— Сказано — утихни. Тебе не положено. Знаешь выражение: «по сроку службы не положено»?

— И тут дедовщина, — вздохнул Валюшок.

— Везде дедовщина. Каждый раз, меняя работу, ты проходишь заново путь от «черепа» до «деда». Везде, где собирается больше одного человека, дедовщина есть в том или ином виде. А уж у нас-то, в Войнстве Христовом, — сам бог велел. Хотя некоторые считают, что АСБ — армия Тьмы. Но таких мы почти всех поубивали. И чего ты сюда подался, Валюшок?

— В архангелы захотелось, — отрезал Валюшок. — Кстати, а ты-то сам как считаешь, что такое АСБ?

— Необходимое зло, — мгновенно ответил Гусев.

Видно было, что ответ у него заготовлен давно.

Глава десятая

Он сражался за независимость своей родины, оставаясь тираном и човекоубийцей.

Когда отчеты были закончены, Гусев согнал их в архив, а свою докладную записку не только куда-то отправил, но еще и распечатал. Буркнул Валюшку: «Сиди, кури, играй», забрал бумажки

и ушел. Валюшок перебрался за гусевский стол и с огромным интересом полез в компьютер ведущего. Эта машина сразу показалась ему куда быстрее соседней и вообще гораздо круче, чем положено для простенького офисного рабочего места. Припомнив немудреную команду, Валюшок ознакомился с конфигурацией и аж присвистнул. Здесь стоял мощный видеоакселератор, а оперативной памяти было просто немерено. Заинтригованный Валюшок сунулся под стол и обнаружил, что пломба на корпусе сорвана. Похоже, Гусеву никакие правила были не писаны. А еще он, судя по всему, проводил на работе куда больше времени, чем полагалось. «Ну, сейчас порезвимся!» — обрадовался Валюшок, полагая, что игровой раздел на диске битком набит трехмерными «стрелялками»: беготня, пальба, кровяца. Однако Гусев и тут своего ведомого удивил. Игрушек действительно оказалось вагон, но все они были стратегические или ролевые, нелокализованные, на английском, и очень сложные. Валюшок было затосковал, но потом нашел один-единственный автомобильный симулятор и принялся гонять.

Гусев отсутствовал почти час. В «рабочей» стояла тишина, разве что Валюшок иногда скрипел резиной на поворотах. Центральное отделение трудилось на вечерних улицах, и, судя по отсутствию тревожных сигналов, никого покамест не убило. Развешанные там и сям большие мониторы были мертвы, динамики оповещения хранили молчание. Ничего похожего на деловитую суету прежних лет, о которой с ностальгическими вздохами рассказывали инструкторы подготовительных курсов. Похоже, город исчерпал свои криминальные возможности. Как и вся страна в целом. Драконовские законы и невероятно четкое их исполнение сбили температуру почти до нуля. Преступления совершались в основном на бытовой почве, и уполномоченным АСБ предстояло вскоре раствориться в армии милиционеров и налоговиков. Об этом инструкторы тоже предупреждали: мол, кончается халява, повоюете немного, а потом станете как все. То есть без огромной страховки, высоченной зарплаты с роскошными премиальными, а главное —

ВЫБРАКОВКА

без прав, которые ветераны гордо зовут «лицензией на убийство».

И, гуляя по улицам, в это несложно было поверить. Валюшок еще помнил начало девяностых, когда в московском воздухе тяжелым удушливым смогом висела ненависть. Висела лет десять, всю его юность, а потом вдруг исчезла.

Исчезла потому, что сначала на одного выбраковщика приходилось сто уголовников, а теперь, даже при сокращенном штате АСБ, десяток уполномоченных с трудом откапает себе одного единственного клиента. Кстати, но ведь штат собираются опять расширить... Странно — зачем?

«А действительно, — подумал Валюшок, — на фига нас так много понадобилось? То-то Гусев удивился, когда я ему рассказал, сколько народу было на подготовительных. У него аж глаза на лоб вылезли...»

Выбраковка давно уже не работала с полной отдачей. Раньше Центральное каждый день проводило специальные операции, но с тех пор уцелевшие бандиты попрятались, уличная преступность сошла на нет, а освободившиеся из мест заключения рецидивисты активно овладевали гражданскими специальностями и боялись лишний раз вздохнуть. «Указ сто шесть», согласно которому треть по счету преступление влекло за собой пожизненную каторгу, за неполных пять лет все поставил в стране на место. Упрощенная система дознания сделала правосудие молниеносным, а наказание поистине неотвратимым. И Агентство Социальной Безопасности — аналог ленинской ЧК, только направленный на борьбу с преступлениями против личности, — потихоньку отмирало, как рудимент крутых времен. Рабским трудом многомиллионной армии вымогателей, мошенников, насильников и убийц потихоньку выковалось местное экономическое чудо. Правительственные менеджеры уже готовили экономику к переходу на цивилизованные рельсы, потому что ряды каторжников таяли, а новых врагов народа просто неоткуда было взять. «Какой разумный термин — «враг народа», — думал Валюшок, выводя свой виртуальный автомобиль на прямую и давая пол-

ный газ. — Ведь действительно любой, кто нарушает права личности, — именно враг народа, всего народа в целом. Неважно, кража или грабеж, в любом случае это насилие, посягательство на территорию человека и его внутренний мир. И тот, кто сознательно решается на преступление... Его обязательно кто-то научил, что такое возможно. Какой-то ублюдок. Какой-то мерзавец. Верное было решение — давить уродов, давить, чтобы не могли размножаться, плодить себе подобных. Интересно, кто это придумал. Считается, что и «сто второй» и «сто шестой» указы — коллективное творчество. Но ведь был некто, подавший идею первым. Хотел бы я посмотреть на этого человека. Ежику ясно — у него очень большая голова. Но идею он подобрал блестящую».

— Очнись, гонщик, — сказал Гусев. — А то за настоящий руль не пуццу. Ужинать пошли?

* * *

В столовой их прилично накормили, разумеется бесплатно. Валюшок рассчитывал, что сейчас они вернутся на маршрут, но Гусев снова пошел в «рабочую». Вытащил из ящика стола какие-то тряпки, фляжки, комплект инструмента, милостиво кивнул Валюшку на свой компьютер, а сам уселся рядом и принялся возиться с «береттой». Движения у Гусева были небрежные и быстрые, как у человека, который проделывает сборку-разборку и чистку ежедневно в течение многих лет. Особенно Валюшок поразился, когда на столе появилась специальная оправка и Гусев тщательно прокалибровал все патроны, даже те, что в запасных магазинах.

«Ты бы их еще в пескоструйную машину засунул», — подумал Валюшок.

Гусев взял один патрон и близко поднес его к глазам.

— В пескоструечку бы тебя, грязнуля... — пробормотал он.

Валюшок от неожиданности чуть не поперхнулся и зашелся в кашле. Гусев коротко на него глянул, ничего не сказал и принялся заряжать магазины.

ВЫБРАКОВКА

— А мне такую дадут когда-нибудь? — спросил Валюшок, показывая глазами на «беретту».

— Не дадут, — отрезал Гусев, сделав ударение на слове «дадут», и у Валюшка как-то вдруг пропала охота задавать еще вопросы.

* * *

На первом этаже Гусев молча сунул руку в окно дежурки.

— Что вам? — спросил помощник дежурного, молодой парень, ровесник Валюшка, сидевший за пультом.

— Угадай с трех раз, — предложил Гусев.

Молодой надулся было, но его вдруг заслонил выбраковщик постарше и вложил в раскрытую ладонь Гусева ключи.

— Запиши, — бросил он молодому. — Пятнадцатую взял Гусев.

Гусев против ожидания руку не убрал.

— Бери, что дают, — сказали ему строго.

— А еще страшнее нету? — сморщился Гусев.

— Только страшнее и есть.

— Даже мне?

— Тебе — особенно. Пэ, не заедайся, ты же в резерве.

— Это в каком я, мать-перемать, резерве?!

— А разве нет?

— В чем, собственно, дело? — подал голос молодой.

— Группу поддержки ты высылал на Поварскую?

— Ну я...

— Знаешь, кто оттуда поддержку вызывал? Кто там пулю едва не поймал головой, на этой драной улице Воровского?!

— Стоп, стоп, стоп... Тайм-аут, — дежурный отодвинул помощника, заслоняя его от гусевского праведного гнева, и принялся листать растрепанный журнал, лежащий на пульте. — Спокойно, Пэ. В расписании тебя нет. Во всяком случае — нам не доводили...

— ДО НАС НЕ ДОВОДИЛИ! — рявкнул Гусев.

— Точно, — согласился дежурный. — Правильно говорится «до нас не доводили»... Так, а это что еще?! Ты почему разнарядку не сверил, бестолочь? Вот же дополнительный список!